

Александр Владыкин

Таблицы неделимости 2

16+

Александр Евгениевич Владыкин

Таблицы неделимости 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42712896

SelfPub; 2019

Аннотация

Мы не одиноки в этом мире, даже на нашей планете всегда рядом с людьми живут другие существа, и нам приходится мириться с этим общежитием.

Глава 1

Смена всегда приходит рано. Я не успеваю зубы почистить. Надо попросить начальника караула, чтобы поменял мне напарника, пол ночи не спал, достал он меня своим храпом. Решётку открыли, как всегда, ровно в полвосьмого утра, не минутой раньше. Я оплатил завтрак на неделю вперёд, поэтому мой маршрут был прогнозируем; после столовой, я приложил временный пропуск к сенсорному датчику и, «первый пошёл» на проверку... Охрана, привычно, провела осмотр, не касаясь частей моего тела. Выходной костюм был выстиран и выглажен, вычищенные туфли, были как новые. Носки пахли духами, как и рубашка, одетая на голое тело. Волосы, кучерявясь на моей груди, делали тело сексуальнее, выглядывая через ворот рубашки. Я оставил чаевые охраннику. Я всегда здоровался с начальником смены и оставлял чаевые... у охранника было девятеро детей, из них пятеро приемных. Робот последний раз осветил меня и открыл выходную дверь тюремного блока. Чтобы выбраться из тюрьмы, мне необходимо было пройти пятьдесят метров сеточного туннеля, расписаться в тюремных журналах, получить временный пропуск на сегодняшний день, и я на работе. Рабочий день у меня начинался с первого шага на свободу и заканчивался тем же самым, но в обратном направлении. Сегодня мне не повезло: ближайший банкомат был выломан и раскурочен, возле него в луже масла валялись два робота

и «Криминальная хроника» обрабатывала свои деньги. Пришлось идти пешком через два квартала. Молодёжь шалила, пользуясь нехваткой специалистов. Камеры видеонаблюдения были уничтожены, обрывки кабеля и средств связи сожгли ещё месяц назад. Теперь атаке подверглись семафоры и датчики автоматического такси. Аварии мгновенно перекрыли улицу; и первая проба нападения на меня была предпринята, когда я пытался протиснуться через покорёженные автомобили. Сосунки, лет четырнадцать – шестнадцать, такая скороспелая уличная банда, вооружённая, больше, для своего «авторитета», выстрелили в воздух. Пуля прошла над моей головой. Я достал парализатор. Кто-то из мелких увидел моё оружие:

– Кукольник!

Крик ещё не успел утонуть в уличном шуме, как мелких не стало. Им посчастливилось повстречаться с тем, что в этом мире называют ужасом. Если вам с утра повстречался Кукольник, то про невезение в оставшейся жизни можно забыть. Я не женат, у меня даже нет подружки. Мои друзья живы и здоровы, я надеюсь, они и меня переживут. Нет, я с ними не общаюсь, только иногда, когда

возникает необходимость заменить энергетические элементы. Их жёны всегда пытаются экономить на своих мужьях. У меня тоже была любовь, только давно и в другом городе, моя невеста узнала о моей специальности... я тогда только начинал свою производственную деятельность, рабо-

тал сборщиком, и получаемых мною денег, едва хватало на цветы для моей девушки. Её отец запретил нам встречаться, и вскоре выдал её замуж за биологического робота, которого я собрал своими руками. Я уехал из этого города и никогда в него не возвращался. С тех пор прошло семнадцать лет, я стал мастером своего дела, пройдя все этапы становления. Я стал четвёртым из Кукольников в этом мире, выше меня был только Кукловод – глава концерна производства биороботов. Официально моя должность была по работе с клиентами – я был инспектор по возвратам. Это когда клиента не удовлетворяет заказ. Кукольник – это была последняя стадия конфликтов продаж, только он мог решать прав или не прав клиент. Такая ситуация возникала редко, очень редко. Никто не хотел встречаться с Кукольником, никто и не знал, что я им работаю. Меня везде представляли, как психолога, психотерапевта. Это наверно было основой для моей неблагодарной специализации.

Можно уйти от себя, но не от незаконченной работы. Она догонит в вежливом напоминании Кукловода. Мне было назначено... на яхте, где-то в Атлантике. Атлантика оказалась Индийским океаном, а яхта была больше похожа на скалу с пещерой, находящуюся на небольшом острове с гуляющими по берегу пеликанами. Кукловод собрал всех, это был его последний аврал. Он лежал на больничной кушетке, весь опутанный медицинскими датчиками и трубками. Нас было че-

тыре кукольника, мы символизировали четыре части света. Я был – Запад. Кукловод сказал, что мы все одинаковы, ему всё равно, кто вытянет жребий и кому будет принадлежать империя. Нас подвели к сфере, сфера должна была назвать победителя. Чтобы выждать время и особо не нервничать, стюард предложил нам разнос с вином. Я выбрал светлое искристое и изнывая от жажды, залпом выпил бокал. Больше к вину никто не притронулся, каждый крутил в руках свой бокал, ожидая результата жребия. Наконец сфера остановилась, перестала вращаться и внутри было четыре бумажки. Каждый из нас выбирал свою участь. Все бумажки были пусты. Я уже собрался покинуть гостеприимный остров, но мои коллеги-кукольники стали падать один за другим, расплёскивая красное вино, которое, как густая кровь растекалась по паркету зала. Я остался один. Кукловод рассмеялся и потерял сознание, врачи ему давали считанные часы. Стюард принёс ключ от главного офиса:

– Вы теперь глава империи. Завещание и документация в сейфе.

Я не хотел, не стремился, считал себя недостойным, а получил ключ от этой планеты, и особое влияние на ещё десятках таких же планет. Над планетой всходила звезда, чем выше подымался крейсер, тем ослепительней казался диск Вечности. Так древние называли звезду, дающую тепло и свет. В офис я смогу войти только после похорон предыдущего хозяина, а пока... пока я вернулся на свою планету. Этим же ве-

чером я улетел на Имperiал. Дворники с улиц столицы убирали траурные ленты и транспаранты, под ногами хрустел пластиковый мусор. Роботы раньше появлялись на улицах, открывались магазины, офисы, полицейские участки, чуть позже газетные киоски, зоопарки, кинотеатры. Люди прибегали за пять минут, до начала работы. Потом, где-то разбивалось окно и со звоном стекла, с гомоном и с бестолковым движением во все стороны – появлялась молодёжь. Старики позже всех выходили погреться на лавочках. Потом начинался обычный день для столицы, как для любого провинциального городка Имperiала. Ездил транспорт, проходили спланированные манифестации, полиция выборочно вылавливала прохожих, снимала отпечатки пальцев и проводила идентификацию, карманники ссорились с контролёрами, платили штрафы и подрезали кошельки зазевавшихся граждан.

Первым я нашёл Гемо. Город мутантов находился под землёй на третьем уровне столицы, и выходил далеко за окраины, до пересечения промышленных автострад и сетчатых заборов фермеров. Обычный обитатель столицы не рисковал появляться в этих местах, люди избегали мутантов, а роботы не хотели потерять то, что у них есть. Слух о том, что чужой пересёк их границы, среди мутантов распространился мгновенно. Ни одна банда не вела свои дела без благословения Гемо, на этот раз к нему выстроилась очередь. Вожди подземных шаяк вылетали, как пули из помещения, вращая расширенными глазами. Я шёл по пустым улицам, похожим

на подземные переходы, навигатор подвёл меня к дому Гемо, перед которым ещё не успела рассосаться очередь. Я спросил:

– Кто крайний?

Мужик с рогами неожиданно выстрелил в своё копыто и очередь растаяла, как и не была. Мужик с рогами оказался стрекозой, первым взлетел в воздух. За ним потянулось стадо стрекоз. «Ночные волки», подсказал вышедший Гемо. Я подождал пока мутант надышится, у него была большая голова, но маленькие лёгкие. Гемо знал зачем я к нему пришёл: он предвещал будущее, видел настоящее и знал прошлое. В моей системе нужен был аналитик с такими данными. У Гемо было время всё обдумать, но у него были условия. Он потребовал его с семьёй вывезти на планету Кукловода и общаться с ним по телепатическому закрытому каналу. Гемо будет сопровождать мою деятельность, ежемесячно делать отчёты о работе и давать рекомендации. А ещё он просил новое тело, для себя и своих дочерей. Жена у него была из анероидов, ворчливая, как и все жёны. Ей, Гемо, ничего не просил заменить. Всё это было осуществимо и поправимо. Если бы я знал, как этот зануда достанет меня со своими капризами: то он хотел артистом быть, то нет, то ему не нравилось то, то это. Он каждый день менял тела, как перчатки, пока на какой-то детской выставке не увидел робота. Он тут же переселился в него, и не вылезает по сегодняшний день. Иногда только – по вечерам.

В офисе я появился рано утром. Охранник открыл входную дверь, стволы пулемётов и видеокамеры сопровождали меня до самого лифта. Я знал, что в каждой смене охраны было не менее пятьдесят сотрудников, и, если я их не вижу, это не значит, что они не видят меня. Вся охрана была из биороботов. Значит кто-то успел перепрограммировать их на меня. Кабинет Кукловода находился на десятом этаже. Я вышел из лифта и оказался перед большой красочно оформленной дверью. По каналу связи вышел на меня Гемо:

– Ключ надо вертеть два раза против часовой стрелки, потом, наполовину вытащив, один раз по часовой до открытия.

Телепат начал отрабатывать потраченные на него деньги и нервы. Я открыл дверь, Гемо до конца проследил весь процесс. Я его спросил:

– А, если бы я ошибся?

Гемо ответил просто:

– Был бы взрыв, и тебя бы смело плазмой в мусорный бак.

Это было не смешно! А, никто и не смеялся. Мозг умирающего предшественника мог и не то придумать. Я проследовал дальше. Сейф открылся при моём прикосновении, на стене, напротив, вспыхнул экран. Старый хозяин применил для изображения фотографии своей юности, он видимо часто перебирал их. Мне пять дней пришлось изучать этот инструктаж. Там было такое, во что не хотелось верить и что не хотелось слушать.

– Это правда! – подтвердил Гемо.

Из всего, высказанного Кукловодом, я понял одно, что мы были самые презренные существа вселенной, завезённые в эту планетарную систему, как рабы, для производства серийных заказов для всех миров. К нам привозился исходный материал со всех завоёванных галактик, потом нас переключили на производство военных роботов, самый последний заказ был на строительство тюрем. Мы настроили тюрьмы по всем планетам, сейчас занимаемся только реконструкцией, но выполнение заказа до сих пор продолжается. Потом про нас забыли. Прошло несколько тысячелетий и на планете Имperiал под взглядом диска Вечности возник народ полутенов. Мы не похожи на другие народы, физиологически мы больше биороботы, чем органические существа. Но в нас нет почти неприродной неорганики, даже роботы отличаются лишь тем, что им необходим дополнительный элемент энергии. Робот может воспитывать детей, управлять государством, наши роботы могут всё. Наука не стоит на месте, к нам доставлены изделия из другого мира, у них были обнаружены недолговечные биологические генераторы, называемые душой. Их почти не заметно на фоне органического тела. Я и заснул в кресле кабинета. Компьютер, настроенный на мои биоритмы сделал перерыв.

Глава 2

Человека всегда тянет туда, где он родился. Оля не любила ездить на море, больше двух суток этой жары не выдерживала и с обгоревшим носом улетала в Москву. Квартира

с кондиционером всегда была к услугам «пингвинов», у Оли была куча друзей, притом разных национальностей, которых объединяла любовь к «северу». За чашкой московского чая, с домашними баранками можно было встретить гостя с северной Африки, что-то объясняющего девушке из северной Ирландии, про особенность климата на севере Австралии. Они нас игнорировали – южан, единственно кого принимали в свой круг, это посетителей Южного полюса планеты. Ко мне это сообщество относилось нейтрально:

– «Москвич, что ты хочешь? Москвич, чаю дай.»

Я закрывался в своём кабинете и перебирал фотографии прошлого. Дети звонили редко, уже и внуки успели подрасти. В гости их в Москву не затянешь. На этот раз не Оля, а я смылся из Москвы в один из северных районов Сочи, где жил мой старший сын. В Адлере меня встретила невестка. Неля успела родить троих детей и самой младшей уже было шестнадцать лет.

– Пап, ну нельзя так! Никого не предупредил, мама там места не находит, обзвонила все больницы и морги, что только президенту не звонила.

У невестки, кроме прадеда, никого в живых не было, и мы для неё были самыми близкими людьми. Я обнял Нелю и мы, не спеша, вышли из здания аэропорта. Сын был на соревнованиях в Квебеке, даже работая тренером, ему приходилось летать по всему миру. В доме никого не было, в четырёхкомнатной квартире гуляло эхо и ворчливый Семидесяти вось-

милетный дед. Неля утром ушла на работу, оставив мне завтрак на столе, наглого ленивого кота, компьютер, и «сплетник», пылившийся в углу, за ненадобностью. Невестка забыла ключи оставить, а я забыл свои таблетки – в Москве. Хожу из угла в угол, выйду на балкон, постою, так и нарежем круги с котом, косясь, чтоб кто-нибудь не занял диван. В середине дня раздался звонок. Неля предупреждала, чтобы я никому не открывал, а я забыл... Склероз. За дверью стояла собака, одетая как человек, в старинную почтовую форму. Нет это был волк, только без хвоста. В конце, концов я определился с посетителем. Это был оборотень. Он протянул мне запечатанный сургучом пакет и на, почти забытом, суржике безвременья, сказал поторопиться с ответом. Я ещё не успел закрыть дверь, как оборотень растворился в воздухе.

– Вот такие вот дела!

Я подморгнул коту. Но это ленивое и жирное существо, наверное, парализовало: оно согнуло спину дугой, превратилось в шар и до прихода хозяйки не отошло от дверей. Неля пришла ближе к вечеру, пропахшая офисом и апельсинами. Апельсины в Сочи продавали, чуть не на каждом углу.

– Пап, у нас кто был?

Неля держала в руках конверт. Я хотел было ответить, но Неля уже вскрывала печать ножницами..., и мы втроём оказались внутри какого-то здания, похожего на муравейник, или термитник, в окружении бесхвостых скунсов, каждый был с человека ростом. Они были в одежде, ходили на задних

лапах, были обуты в сабо, и в руках держали авторучки. Бедные животные сами не ожидали нашего появления, и чисто автоматически, взяли нас в кольцо. Один из скунсов попросил Нелю отдать ножницы. Неля спрятала руки с ножницами за спиной, тогда скунс продемонстрировал авторучку, распишавшись по одинокой каменной колонне. Я не увидел луч, но животное разрежало колонну на три части, которые медленно соскользнули на пол, это было так легко, как будто скунс резал торт. Я поспешил вмешаться и выхватив у невестки ножницы с конвертом, поспешил отдать их скунсу. Я знал, что в подобных случаях лучше не медлить. Неля надулась. Я знал, что мне невестка досталась из обидчивых, но я бы не хотел посмотреть на того, кто попытается сделать ей больно. Насилия пока никакого не было. Старший из этой компании удалился, и через некоторое время нас, отдельно, поместили в какие-то здания, с невысокими, но крепкими стенами, с садом, в котором растут чудные фрукты, похожие на инжир, виноград. Я попробовал дотронуться до дыни, и получил удар током, довольно-таки ощутимый. Пришёл оборотень, похожий на шакала, в руках у него был прибор – ретранслятор, он показывал картинки, я говорил слова, не уверенный, что кружка – это кружка, а ложка – это ложка. Мне показали курицу, с головой кузнечика и хвостом скорпиона, я назвал её курицей. Меня покормили. В первый раз я не знал, что я ел, но было вкусно и сытно. Ночью связалась Неля, я знал, что она владеет телепатией и в экстремальных ситуациях может

читать мысли. Мне Романов правнучку уже подготовленную сдал, а сам слинял, гад. Я чувствовал, что в это приключение мы не без его влияния попали. Я успокоил Нелю, предупредив, что стены под напряжением. Я знал о других возможностях невестки, но просил не торопить события, было очень интересно, но не понятно. Так мы и оказались внутри этого зоопарка, но утро вечера мудренее.

– Почему ты меня называешь Велд – Два.

– Потому, что ты и есть Велд – Два. Новый, стационарный, задающий много глупых вопросов.

Я приготовился к обороне, Велд редко вклинивался в мой монитор, а если вклинивался, то что бы поругаться. Я двадцать минут выслушивал «комплименты» машины. Наконец, аргументы у него закончились, он выдал мне полную распечатку – напоминание, чтоб не забыл, перед сном, прочитать, кто я есть на самом деле. Я её смял, и демонстративно бросил в мусорную корзину. Что – то у компьютера не получалось, не клеилось, энергия тратилась впустую.

– Игл, как давно ты связывался с русским?

Урус уже три месяца не подходил к кейсу, я напомнил Велду, что люди не вечны и у них есть свои маленькие странности, которые они называют болезнями. Не буду же я машине объяснять, что русскому далеко за семьдесят, и он иногда, с трудом, вспоминает своё имя. Самому было интересно, Урус, иногда включался и я знал, что твориться на Земле,

но последнее время обмен новостями прекратился, я ничем Велду помочь не мог. Велд всё пытался делать сам и никогда не просил помощи, постоянно делал ошибки, которые разгребать приходилось мне, как составителю программы для этого шалопаю. Мне нужен был собеседник и я восстановил Велда, не того, мечтающего о строительстве грибов и воспроизводства народа. Дети гриба, как и фараоны и их производное ушли давно в историю. Может быть и нас, жителей Марса коснулась бы эта участь, но все ближайшие созвездия были заселены родственными нам народами. Я следил за статистикой – мой род жил, размножался. И если бы не досадная космическая авария, в которой погибла моя жена, то я бы ещё помог бы роду в размножении. Шучу конечно, марсиане тоже подвержены старению. Мне не давала покоя мысль:

– Что беспокоило Велда? Он раньше никогда не спрашивал про россиянина.

Мне хотелось вызвать на откровенность машину, не применяя доминирующих действий с позиции силы. Я хотел, чтоб Велд рассказал сам, что у него на уме. Велд – Два сдался:

– Понимаешь, Игл, я пол месяца назад рылся по частотам вселенной и получил сообщение на закрытой волне прямым текстом по адресу русского, на его компьютер, сделанный по технологиям детей гриба.

– И что было в сообщении?

– Ты не поверишь – SOS.

Это было интересно. Я три месяца не могу достучаться до Уруса, а тут он ещё кому-то понадобился. Пора собираться в путь: – подумал я:

– До Земли недалеко, один переход, завтра к вечеру буду. Мой корабль всегда был готов к полёту. SOS, морзянкой, на технологию гриба – такого кошмара нарочно не придумаешь! Нонсенс в квадрате.

Про нас все забыли, трёхразовое питание по высшему классу, как будто специально нас вырвали из нашего мира, чтобы проверить квалификацию своих поваров. Неля возмущаться начала, я еле сдерживал её негодование. Мы уже знали, что находились на планете полутенов в столице, сама планета называлась Империял. Остальную информацию приходилось по крупицам выдавливать из охранников. Два раза в соседскую камеру привозили телепата, я знал, что камеры просматриваются и прослушиваются, но не знал, что записываются все наши мысли и разговоры с невесткой. Полутены сами были ошарашены нашим появлением, а расшифровав письмо в сургучной оклейке и вычислив его дату, они даже не знали куда нас, и в качестве кого зарегистрировать. В конце, концов, согласно письму, с нами должен работать кукольник, власть, только поменялась и начальник охраны искал удобный момент, чтоб нас представить Кукловоду. Кукловод был главой этого государства, как я понял. В письме

был отказ от заказа на шесть кукол, для сексуальных услуг, заказ был сделан четыре тысячи лет назад, остальная информация утеряна, но кто-то оказался неудовлетворённым выполнением заказа. Только не понятно, почему этот оборотень-почтальон вручил письмо мне, и в Сочи? Переводчики точно указали адрес – Мемфис. Гибердауляйтеру высшего асса. Я даже представления не имею, кто это такой, и что за должность – Гибер...высшего асса?

Охрана вывела нас за пределы тюрьмы. Если здесь такие тюрьмы, то какие тогда дома? Шесть скунсов сопровождало нас в течении всего похода, я обратил внимание, что спереди и сзади тоже были охранники, ограничивающие движение транспорта. Если нас предпочитают вести пешком, значит это недалеко, и действительно, через пятьсот метров мы подошли к офису. Он отличался от остальных, только тем, что не был похож на термитник и имел правильную, шестиугольную форму. Стены были сделаны из матового стекла или пластика, переливались оттенками от молочно-белого, до тёмно-серого. На входе тоже была охрана, лифт был прозрачен и видны были все двадцать семь этажей этого здания. Я, абсолютно, не почувствовал движения лифта, было такое ощущение, что сила тяжести отсутствует. На каждом этаже тоже было много охраны, притом все подходы были утыканы камерами слежения, это то, что бросалось в глаза. В районе десятого этажа лифт остановился и нас передали в лапы других служащих. Старший команды охраны, через ре-

транслятор сообщил, что с нами хочет переговорить глава концерна и государства Империял – Кукловод. Притом, это было сказано с таким лицом, что театральному суфлёру не снилось. У меня повысилось настроение, если в этом мире правят Кукловоды, значит не всё потеряно. Дальше шёл инструктаж, как мы должны себя вести, что должны делать, а что нет... , но я уже не слушал, Неле, вообще, надоела эта беллиберда, она смотрела сквозь инструктора с серьёзной физиономией скунса и, просто, ждала, что будет дальше. Наконец нас ввели в зал. Это был кабинет Кукловода. Кукловод стоял у окна, он был одет в комбинированную красно чёрную мантию, и повернулся, среагировав на наше появление. Он произнес несколько коротких певучих фраз, отправил охрану за двери. Кукловод был выше нас, и когда он подошёл к нам ближе, мы с Нелей переглянулись. Он нам напомнил одного из древних египетских богов, которых любили изображать на всех учебниках по истории. Перед нами был живой Анубис. В египетской мифологии ему отдали царство мёртвых, это он научил жрецов делать мумии. История говорит, что он оживлял мёртвых, заставляя их сражаться в рядах своего войска, только по каким – то обстоятельствам ему не удалось передать свои знания людям. Этот исторический ракурс промелькнул в моей голове так чётко, как будто я читал лекцию перед членами географического собрания. Он отличался от охраны, выглядел физически мощней и имел голову собаки с очень развитыми мозговыми полу-

шариями. Он не открыл своего рта, лишив нас возможности оценить блеск и остроту его зубов, пастью это назвать нельзя было, весь облик императора Империаала был настолько утончён и ухожен, что невольно закралась мысль, а правильно ли мы определяем понятия: животное, лапа, пасть. Не вязалось к этому существу, скорее себя почувствуешь куском грязи, чем это живое божество. На меня первая встреча с Кукловодом была, как удар молнии. Неля испытала аналогичные чувства, Кукловод вызывал симпатию у общающихся с ним. Его голос возник в нашем мозгу, как гипноз, из ничего:

– Что биороботов Земли привело в наши края?

Он задал вопрос, на который не смог дать ответ. В первый раз ему приходится решать дело, не имеющее чётких позиций. Ему не хватало исходных данных. В письме был адрес заказчика и адрес отправителя, письмо написано древним полутеновским языком, ещё иероглифическим письмом. Специалисты еле перевели текст. Это письмо должно давно лежать в архивах, но земляне утверждают, что его принёс почтальон, и что он был из полутенов. Он просканировал мозги землян. Ничего интересного, обыкновенные старые биомеханические роботы, сделанные полутеном, не получившим хорошего образования. Император скривился, этот недоучка слепил что-то живущее лет сто пятьдесят, с хроническими болезнями и с критической паранойей – биороботы считали себя живыми существами, личностями. Де-

вочка была тоже механическим биороботом, но более современной, с четырьмя индивидуальными сердцами и гибридной кровеносной системой, она могла жить более тысячи лет, некоторые изменения в мозгу могут при развитии дать ощутимые преимущества перед биороботами того мира, но какая же это муть! Император брезгливо посмотрел на производных своего соотечественника:

– Какая древность!

На этом наша аудиенция закончилась. Он прочитал мой вопрос.

– Вы мне не интересны, пока вы сами ничего не знаете по этому ребусу с письмом полутена. Я бы хоть сейчас вернул вас на Землю, если честно, и для меня не ясно, по какому каналу вы к нам прибыли, и зачем? Но с вами хочет пообщаться Гемо. Завтра он заберёт вас, и то, когда вы вернётесь домой, будет зависеть от его степени заинтересованности. На этом я с вами прощаюсь.

Честно сказать это был не диалог, не допрос, а смотрины. Император хотел посмотреть на биороботы, создавшие ему головную боль. Для Нели и меня это был шок, мы не люди – мы роботы, созданные, чтоб нами управляли, мы марионетки с незримыми ниточками, сколько же презрения было в словах Кукловода. Нам предстояло многое переосмыслить, но только уже в своём мире, мне всё меньше нравилось здесь находиться, неприятно, когда тебя считают браком создателя, тогда я ещё не знал, что в руках императора был дей-

ственный механизм: разобрать нас на запчасти, отключить от деятельности, император мог сделать что угодно, но побрезговал, посчитал, что этим проблему не решишь. Мы с Нелей даже не говорили в этот день, стыдно было в глаза другу другу посмотреть. Неля себя к циклусам относила, а тут – робот!

Я даже не помню, как мы оказались на другой планете, нас встречал кот, Нелин кот. Он тёрся у ног робота, похожего на копию из «Звёздных войн», коты всегда предпочитают тех, кто их гладит и кормит хорошо. Прислуга на кота смотрела с ужасом, они никогда не видели столь страшное и волосатое животное. Я не знаю, как получилось так, что мы попали на Импераал, а кот сделал крюк. Прислуга была из роботов, я уже начинал разбираться в иерархии здешних жителей. Всё, что работает и охраняет в этом мире – это роботы, остальные – полутены. Сейчас нам пришлось встретиться с мутантом, но мы пока о этом не догадывались. На этой планете было всё не так, как на Земле, она отличалась и от столицы Импераала. Неля была укутана в туман, охрана намекнула, что она провинилась, пытаясь негласно выбраться за пределы тюрьмы, а вывезли нас ночью, я даже не слышал. Кот нас игнорировал, делал вид, что он нас не знает и что-то выпрашивал у робота. Охрана улетучилась как-то незаметно, наконец-то включилась Неля:

– Кто я? Где я?

Потом повернулась ко мне:

– Ты кто?

Робот подъехал и пассажирами экстрасенса снял с неё туман, он росой осел на пол, весь, без потёков и капель. Потом смотритель металлической рукой нажал пять – шесть точек на ноге невестки, и она вздохнула, зашевелилась. Мне кажется до этого она не дышала, и эта инопланетная железяка вернула её к жизни. Не знаю кто, но кот моментом среагировал на её оживление, Неля не успела произнести и пару слов, как он, с разбега, очутился на её руках. Произошло воссоединение двух существ. Робот заулыбался, на этой планете даже роботы имеют эмоции. Робот представился:

– Гемо.

Это были последние слова, услышанные нами от железяки. В дальнейшем нам пришлось общаться при помощи телепатии. Гемо – это было самое полезное и разумное в этом мире существо, он спокойно, без всякой иронии, отвечал на все наши вопросы, он не считал себя сверх. интеллектуалом, был прост и доступен в общении. Охраны больше не было, сунсы улетели на Империял, нам некуда было бежать, нападать, совершать какие-то демарши – тем более. Мне нравилось беседовать с Гемо, я научил его игре в шахматы, и он заводился, как маленький, когда проигрывал партию. Может эта игра и произвела сбой в философии полутенов? Маленький, спрятавшийся под оболочкой примитивного робота, мозг гения хитрил в общении с нами, он давно дал опре-

деление всем случившимся событиям и проверял нас на откровенность. Гемо, через общение с нами, по крупицам выдвигал недостающие факты, и через месяц первая докладная от аналитика попала на стол Кукловода. Император просмотрел доклад, поморщился... сейчас это было не ко времени, ему не нравились выводы вассала, но империя двигалась по инерции и у него не было ни одного кандидата в Кукольники. Если Юг и Восток немного прикрыты – там были сильные заместители, то Запад и Север ждали своих руководителей. Кукловод теперь жалел о том, что пытался сам везти воз, не доверяя свою поклажу никому. До конкурентов ещё видно не дошли слухи о смене власти на Империа-ле. Пока войной никто не грозит, а там – кто знает? Император уничтожил записку аналитика, эта информация, как гвоздь в пятку. Но пока не время! По линии связи Кукловод поинтересовался, нужны ли будут ещё люди? Попросил привести их в порядок и отправить домой этих попаданцев. Гемо выполнил приказ Императора, биороботов модернизировали на заводе, перед отправлением домой, Гемо попросил, чтобы ему подарили кота.

– А, если надумаете ещё раз посетить наши края, то захватите, пожалуйста, кошечку.

Я не успел моргнуть, Неля стояла передо мной в своей квартире, с открытым ртом... раздался звонок в дверь. Невестка посмотрела на меня, как на врага народа, и с недоверием, отстранив меня к стене, побежала сама открывать

дверь, хватит уже одного почтальона!

Глава 3

Я не завидую попаданцам в чужие миры, но у возвращенцев проблем не меньше. Представьте, что вы опоздали на свидание лет на триста. Мы с Нелей вернулись в чужой мир. Нет, Земля осталась та же, только люди стали больше на роботов похожи. Все на одно лицо. Мы никому не были интересны и не нужны. Это мне, наверное, казалось, нас ждали, все триста лет ждали. Экскурсия на Павелецкий вокзал, для меня и моей невестки закончилась на планете зверя. Игл удовлетворённо потирал руки, отпустив своих подчинённых. Неля приходила в себя, ей ещё никогда не приходилось драться с резиновыми грубыми насильниками, она ещё была в горячке боя, но пьяный газ на всех действует одинаково. Я всегда предчувствовал, что платные туалеты на железнодорожных вокзалах существуют, чтоб воровать людей и переправлять их на другие планеты. Я едва узнал Игла, и успел предупредить Нелю, чтоб не чудила. Связанной и беспомощной перед лицом зверя была голограмма невестки, а женщина уже была готова к началу атаки. У Игла, чуть челюсть не отвалилась, когда я вышел из пут и обнял его, оставив голограмму терпеть неудобства до последнего. Игл рассмеялся. Зверь предложил нам кофе. Девушка смотрела на нашу встречу настороженно, я видел, что она включила все внутренние рецепторы, не доверяя зверю, который вырвал нас с родной планеты. Если честно, я у друга чувство-

вал себя более раскрепощённо, чем на Земле.

Зверь не стал тянуть время, играя на нервах:

– Рассказывай!

Мне так много надо было рассказать, а я уложился в две минуты:

– Ну, вот.

Игл помотал головой, даже с применением ментала, он ничего не понял из сказанного мной. Тогда я открыл полностью свой мозг:

– Читай, смотри, ищи, задавай вопросы, получай ответы, только не заставляй меня нервничать и оправдываться. Я перед тобой ничего не скрываю, я даже дал возможность сделать видеозапись того, что застряло в моих мозгах и не успело стереться за ненадобностью.

Игл два дня переваривал сюжет попаданцев, он, как и полутены не мог сообразить, кому это нужно было закинуть нас, кто знает куда с непонятным сургучным пакетом. Игл пошутил:

– Серёжа, а может это ты заказал этих куколок, а теперь отказываешься?

Пришло время марсианину делиться информацией, и он достал старый кейс, хранившийся в моём кабинете, в том месте, где я редко лазил и не позволял другим. Из тысячи керамических фрагментов, собрался и высветился экран, зверь коснулся пальцем входной информации, десять раз кто-то без адреса пытался войти, на экране высветились космиче-

ские координаты источника. Игл рассказывал, что специалисты покопались, но ничего, кроме «SOS» нет. Кто послал – неизвестно, стационарно в том месте нет ничего, не планеты, не метеора, вакуум.

– Но в вакууме просто так сигналы не возникают. Кому-то нужна помощь. Но кому? Первоначально я думал тебе, извини, но за Нелю я ничего не знал.

Учёные вычислили, что с этого места сигнал мог вестись с кометы Галлея, которая раз в сто лет пересекает пространство нашей звёздной системы. Сигнал был слаб, но его зафиксировал межгалактический компьютер гриба. Вот такие вот дела, – закончил свою исповедь Игл. Комета, через три года, опять должна появиться в нашем регионе, предлагаю сделать разведку, подготовить роботов, для высадки на ядро кометы. Вам делать нечего, вот и займитесь организацией.

Легко сказать, займитесь! Но пришлось, поначалу ничего не получалось, а потом, эта планета, с её обслуживающим персоналом, стала, как своя. Неля, наконец, отошла от своих мрачных мыслей, связанных с путешествием и сдвигом во времени, в работе плохое быстрее забывается. Несколько раз проштудировали посадку на комету, даже провели учения. Вроде всё предусмотрели: и корабль – экипированный от и до, и роботы, и инструменты. Осталось только ждать. Целый год.

Стажировка окончилась, с походами в ночные клубы, и

знакомства с лёгкими алкогольными напитками, с красивыми и улыбочивыми мальчиками, пришло время доказывать, что тебя не зря учили на юридическом факультете, одного из самых лучших университетов. Друзья разлетелись кто, куда, а нас, не имеющих поддержки родителей, постарались распределить подальше от крупных городов, на самые непотопляемые должности. Меня засунули в район, в следственный отдел. Ну, что же, следователь для начала, это не совсем плохо, есть шансы к росту, и если повезёт с карьерой, то на пенсию подполковником можно выйти. А до пенсии ещё: Ого-го. Мечтать не вредно: меня обязали заниматься с детьми, всем, что связано с их пропажей.

– У детей психика не сформировавшаяся, поэтому вам лучше почаще советоваться с психологом.

Мужчины оперативники, за соседним столом вспрыгнули в кулаки. Начальник отдела капитан Брусницын замялся:

– Только он странный этот психолог, вроде не пьёт и не колетса, грибочки не варит, но везде ему маньяки мерещатся. Ну, сама разберёшься, вот тебе стол, ключи от сейфа, насчёт своей безопасности позаботься сама, штатное оружие вашей должности не полагается. Район наш тихий, но пропажи тоже случаются. Иных находим, а некоторым не повезло с нами, а нам с ними. В сейфе дела, изучай.

Службное жильё находилось в паре шагов от работы, я успевала за десять минут, доедая на ходу пирожок, купленный у бабок ещё вчера, вечером. Второй этаж, двенадцать

квадратных метров, душ и туалет в коридоре, была ещё одна комната, на дверях висел амбарный замок с дужками в палец толщиной. Капитан говорит, что двери заколочены, и его ещё предупредили, что если не хочешь неприятностей, то лучше туда не соваться. Кухня даже в девять квадратов не вписывалась, печка была, топилась дровами и углём, если что быстро приготовить, имелась двухсекционная электрическая печь с духовкой. Живи как хочешь, правда углём и дровами в зимний сезон полицию снабжали. Я обживалась месяца два, пока жильё в нормальный вид не привела, спасибо сослуживцам, многие по соседству, семьями ютились. Эта квартира была моей мачехой, всё у неё постоянно ломалось, а я, как падчерица пыталась отремонтировать незакрывающийся кран, то гвоздь забить кочергой, при этом умудрялась врезать себя по пальцам. Я, буквально, боялась к чему-то прикоснуться в этой квартире, если садилась на стул, он рассыпался, в диване скрипели и лопались пружины, вешалка обрывалась, душ мог окатить кипятком, я так и не смогла понять, как он работает, он был с характером и всех жителей приучил к своему контрасту. Комната была угловая, без балкона, но с большим окном, у неё была неплохая звукоизоляция и с остальными недостатками можно мириться, деваться некуда. Я просто вынуждена познакомить вас с моим бытом, потому что дальнейшие события в моей жизни прочно связаны с этой комнатой и со смежными, я даже не знаю, как сказать – коридорами в чужую жизнь, где с наступ-

лением ночи, душ превращался в кусок замка или в окно сто семьдесят восьмого этажа, а кухня со всеми приспособлениями – в пыточную камеру, или участок румынского окопа, но больше всех неожиданностей несла в себе закрытая и забитая дверь в ад или в мир доисторических существ. Через время вся обстановка менялась, но не будем опережать события. Всё случилось в четверг...

Мне надоело листать эти безликие допросы, написанные казённым сухим языком по требуемому формуляру. Перелистав двадцать папок, я пришла к тому, чтобы хоть немножко оживить события того времени, переписывала дела, под человеческий вид, не искажая действий, не добавляя ничего от себя, я постаралась все происшедшее выразить обыкновенным человеческим языком, отойдя от формы протокола: вопрос, ответ, вопрос, ответ..., для себя, я не думала, что кому-то интересны мои записи. Мне нужно было разобраться. В нашем тихом районе, за последние три года пропало по различным обстоятельствам сто восемьдесят шесть детей, возрастом до восемнадцати лет, а вместе со взрослыми – около – трёхсот человек, в районе всего пятьдесят–шестьдесят тысяч людей; половину нашли, большая часть сама вернулась, но некоторые случаи остались не раскрытыми. Я отсортировала дела, они были связаны с возвращенцами, и со спокойной совестью, сдала их в архив, у себя оставив лишь не раскрытые, повисшие на моём отделе.

Мы решили разыграть однокурсника, зная о его мормонском воспитании. Всей толпой ввалились в магазин, где продавались не запрещённые табачные изделия и спиртосодержащие напитки, а кое-что покруче. Филл ни о чём не подозревал. Сегодня был его день рождения, и мы заказали ему подарок. Пока продавец выносил упаковку, и Мелли приготовилась запечатлеть на планшет самый кульминационный момент торжества, мы, внутри, все злорадствовали, представляя физиономию этого девственника, при виде подарка. Филл уже начал распечатывать коробку, Мелли нажала на сенсор фотоаппарата в планшете и... Филл пропал, его мормонский бог спас его от издевательств однокурсников. В планшете его не было. Мы передавали подарок из рук, в руки, думая о том, как отчитаться перед родителями за деньги, данные на недельное питание в колледже. Продавец объяснил, как пользоваться изделием. Мелли с очень умным видом слушала его инструктаж, ей и досталась эта «подружка».

Я очнулся в гробу, закрытый со всех сторон, я не мог шевелить не руками, не ногами, только видеть и слышать. Самое странное я не дышал, и не помнил, как здесь очутился. Внутри гроба было темно, а снаружи, кто-то сопел и двигал что-то тяжёлое. Я услышал разговор двух человек.

– Мы выполнили заказ. Всё сделано по вашим инструкциям, осталось только...

– Так в чём дело, почему вы его не отправляете на фабрику биотехнологий?

– Шеф, он же живой!

– Мы делаем биороботов из мёртвых, из живых легче их делать, надеюсь, вас не надо учить!

Разговор прервался. Я понял, что это касалось меня, не помню, как, но я вляпался в самую паршивую историю, которую можно было придумать. Меня, наверное, разберут на органы, или ещё что хуже. Потом меня выключили – как свет, как газ, и закрутили, как кран для подачи воды, перед тем, как выйти из дома. Я не помню ничего, два часа нас держали в учебном центре: у нас нет имени, мы откликаемся на имя данное хозяином, у нас нет ничего, хозяин даст нам одежду, если захочет, мы принадлежим тому, кто нас купил. Мы биороботы. Замену аккумуляторов тоже выполняет хозяин. Хозяин наш бог, он повелевает нами. Аккумуляторы перешли в режим экономии энергии. Это был наш сон. Мне снилось, что у меня сегодня день рождения и друзья готовят для меня подарок. Нас не выставляли на витрины, чтобы привлечь покупателей, мы хранились в состоянии полусна на складах, время от времени нас перевозили по всей планете, грузили, выгружали, проходили через таможенные и пограничные контроли. Фабрики биотехнологий на планете работали круглосуточно.

Бармен смахнул фужеры, со следами косметики, на пол:

– Роботы! Противные роботы!

Он ненавидел своих посетителей, торчащих перед стойкой, он ненавидел женщин лёгкого поведения, он ненавидел

себя за то, что ничего не может изменить в своей закостенелой судьбе. Каждый день всё одно и то же, пришло время уходить, сначала из бара, потом из этого мира. И этот день настал. Он едва увернулся от грузовика, у которого лопнуло колесо, грузовик полетел в пропасть из нагромождённых лестничных пролётов, от удара вывалился груз, какие-то большие картонные коробки, из одной из них и вылезла Сюзи. Карл её узнал, прошло двадцать лет, а она была такая же, как тогда. Карл подвозил соседку из колледжа. Сюзи пропала в автомобиле. Ему тогда никто не поверил. Карл отвёл девушку в полицию. Потом приехала спец. бригада, и этот случай замяли, даже в городской газетёнке ничего не сообщили о аварии. Карла нашли повесившимся на сосне, перед спуском к морю. Девушка оказалась биороботом, большой куклой, для взрослых игр. Всю свою молодость Карл провёл за решёткой, он не любил людей, он ненавидел тюрьмы. Священник, который отказался отпевать усопшую, был тоже членом закрытого клуба, в котором работал Карл. Анубис забрал его душу ещё до того, как он закопал труп Сюзи. Теперь он служил богу, живому богу! Биороботы были не совершенны: молчаливы, безответны, но хорошо обучены для интимных утех, купив куклу, тяжело было отказаться от неё, выбросить, засунуть в чулан. Кукла становилась членом семьи, невольным свидетелем всего, что творится в этом мире: за занавесом закона и благополучия. Каждая кукла имела вмонтированный чип, и Анубис знал все тайны челове-

чества. Священник был хранителем информации в этом городке, он был рядовым в армии бога.

Это дело, как-то не вязалось к остальным. Я продолжала изучение по своей методике, давая другие имена и вымышленные места обитания. Я даже сама не ожидала, а сеть получалась, даже из моего вязания. Но погибший десяти летний мальчишка, был явно из другого романа, если бы, не одно – но...

«Графит» был такой, как все, может излишне любознательный, он очень любил копаться в старых вещах и пропал в доме бабушки. Дом по наследству достался нашей семье, он находился в пяти кварталах от нашей квартиры, просто руки не доходили до него. «Графит» нашёл ключ и после занятий посещал тайком этот дом. Он никогда не рассказывал, что там делал, даже лучшим друзьям. Один раз только оговорился, что в доме много кукол и они ведут себя, как живые, они забыли, как говорить, но придумали свой язык, язык жестов. Мальчик ещё не был взрослым, он любил играть в куклы и изучил их язык. Потом был взрыв. От дома и от «Графита» ничего не осталось. Пожарные в акте записали взрыв газа, скопившегося над магистральным газопроводом.

Это была одна из историй, связанная с биороботами. У бабушки действительно была коллекция раритетных изданий, стоимость некоторых роботов доходила до двухсот тысяч \$ США. Осталась только фотография, Роботы были похожи на знаменитости: принцесс, королев, был даже Распутин и

Горбачёв. Горби – на любителя, в наше время его покупают, преимущественно мужчины, но спросом продолжает пользоваться. С какой целью старушка собирала эту коллекцию, бог знает, в деле об этом ничего не говорится, поэтому, не будем придумывать. Жалко пацана только!

Мне говорили, что её слепили зэки из хлеба, слушать коллег, себя не уважать. «Матрёшка» была не биоробот, никто не знает, кто ей этот псевдоним дал, зато все знают за что. Матрёшку привезла одна из культурных бездетных семей нашего города. Мама преподавала в музыкальной школе, а папа был учителем труда, физкультуры и рисования – на все педагогические уроки мастер! «Физтруд» приходил домой поздно, его школа никак не хотела отпускать. Каждый день, кроме воскресения, у него были кружки, семинары, дополнительные занятия. Папа зарабатывал деньги. Матрёшке было лет восемь-десять, когда она появилась в городе. Поначалу её никто не понимал, она постоянно ругалась, мешая матерные и старославянские слова. Оказывается, она разговаривала так. Папа нанял репетиторов и за два года выровнял образование девочки и попытался поменять лексикон. Её приняли в третий класс, но иногда Матрёшку прорывало, тогда сбегалось пол школы родителей всех возрастных групп, чтобы выяснить, кем обозвала их детей, их самих с дедушками и бабушками, эта третьеклассница. – Мы этого не допустим, мы этого не потерпим, мы жаловаться в районно будем, – только и слышно было в учительской. Директор

молодец, не реагировал на этот шабаш возмущённых родителей. Он обещал, и все успокаивались. Годы шли, девочка изменилась, увлеклась самбо, побеждала на соревнованиях, только кличка осталась. Я даже пару раз её видела, нормальная девчонка. Но приехал её пастор и изменил Матрёшку. Пастор уехал, оставив группу из шести человек, и в городе стали пропадать люди. Это совпало с моим приездом и появлением в полицейском отделе. Первым пропал священник. Матрёшка выследила его, когда он попытался передать информацию. Всё, случайно увидела школьная подруга девочки, они вместе ходили в секцию. Тренер её послал..., что увидела она, заставило забыть о том, что хотел передать тренер. Матрёшка кралась из-за стены разрушенного монастыря, она не видела, увязавшуюся за ней подругу. В руках Матрёшки был меч, перед входом на кладбище, она одела противогаз с сумкой через плечо. Это было интересно, интригующе, я просто не ожидала, что дальше произойдёт. А дальше я увидела священника, он был не стар, но уродлив, про себя, мы называли его Квазимодо. Матрёшка взмахнула мечом и отрубила ему кисть правой руки, вот с этим кубом. Священник превратился в зверя и выплеснул яд в лицо девушки, а потом загорелся. Кисть пыталась убежать и утащить куб. Я вскрикнула от неожиданности. Матрёшка только успела сказать:

– Лови руку, отбери у неё..., передай следователю.

И упала. Я выхватила куб и побежала, мне было страшно.

Это я принесла вам. И девочка передала идеально изготовленный из лёгкого материала куб. Он был похож на поделку из кости допотопного животного и на мрамор, только лёгкий. Я, оправившись свой мундир, и положила куб в сейф с делами. Матрёшку больше никто не видел, её никто не искал, приёмные родители ушли один за одним, в один год. Слишком поздно они решились на удочерение. Подруга, видевшая последний бой Матрёшки, тоже пропала, родители увезли её из этого непонятного города. Остался никому не нужный куб, зачем Матрёшка завещала передать его мне?

Четверг закончился вместе с чаем, я как-то не отошла от студенческого общежития, нет, наглицов и у нас хватало, но таких...! Я в понедельник купила большую пачку чая и сладкие сухарики. Коллеги подтвердили мои покупки, сказав, что сухари крысы съели, а чай пропал из-за церковного праздника – «водохлёб» называется. Я весь интернет перерыла, нет такого праздника, а в нашем отделе есть! Придётся всё в сейф прятать, только нет уверенности, что у этого «водохлёба» ключей от моего сейфа нет. Хорошо, что вчера зарплату дали, даже премия небольшая есть. Я набралась в магазине всего немного, на месяц. У моих дверей меня ждал «таракан», он издали увидел меня с пакетами и его усы задвигались вместе с волосами на голове. Это было худое, замученное голодом создание, которое реагировало только на наличие пищи. Оно на память знало, сколько калорий на-

ходится в любом продукте. Его, за глаза, все называли Укус, так я и познакомилась с психологом этого полицейского царства, он так мне мозги запудрил, что я и не заметила, как в его худое чрево, ушёл весь купленный на месяц запас. Он съел всё, даже горох с вермишелью. После себя оставил чувство обиды в моей душе и большой ключ от заколоченной комнаты. Укус пообещал прийти ещё, для закрепления знакомства, и пришёл с коробкой пирожных, которые сам и сожрал, под мой чай. Он открыл дверь, которую капитан Брусницын, категорически запретил открывать. Вся комната была завешена паутиной и забита различным хламом: разошедшееся пианино, различные полки, кровати, шкафы, сундуки. Всё, что хорошая хозяйка выкидает сразу, пополнив раритетом ближайшую свалку, здесь оно будет храниться до скончания веков. Укус почувствовал, что ему больше ничего не перепадёт, потихоньку свалил, оставив меня наедине с этим помещением. Я кинулась искать замок, нигде не нашла, не нашла даже скоб, на которые он крепился. Я, кляла этого обжору, как попало, подоткнула двери шваброй, до субботы. Только поспать мне сегодня не удалось, ночью дверь в комнату пропала и на месте хлама, разросся девственный лес, сквозь заросли лиан и папоротника старались пролезть мелкие динозавры, притом – они были чётко видны, а я отражалась в воде маленького озера, как туман. Но, какие – то силы не давали проникнуть ящерам в наш мир, вместо двери был экран времени, он и создавал этот запрет. Всё рав-

но было страшно, а что, если этот запрет не постоянное явление? Завтра было на работу, и я провалилась в сон. Знаете, какое самое мерзкое состояние – это, когда ты не пила, а ощущение, как с похмелья, нескончаемо звонит будильник и у тебя нет сил пошевелить рукой, чтобы выключить его, не сомневаясь, что на кухне не осталось и следов кофе. Дверь в комнату с чудесами была закрыта, замок висел на месте. Я пообещала себе, и на порог дома не пускать Укуса, остальные эпитеты по его адресу, оставлю внутри своей излишней скромности. Сослуживцы встретили меня понимающими ухмылками, а особо наглые, задавали вопросы, что за крики были слышны ночью из моей комнаты? Я не реагировала на их подколки, я ни на что не реагировала до обеда. Я заняла очередь к кофейному аппарату, а пятница всё тянулась и тянулась. Впервые, мне после работы не хотелось идти домой, не хотелось видеть ехидных улыбок соседок и жадные бессовестные глаза их мужей. Был конец лета и улицы пахли яблоками, было тепло и хорошо на улице. Укус не видел меня, но куда он направлялся, у меня не возникло сомнений... я пошла гулять в школьный парк, и не обратила внимания на вой сирен скорой и пожарной машин. Когда я окончательно нагулялась, по магазинам и дорогам покрытым брусчаткой, я подошла к своему дому, вернее, к тому месту, где был мой дом... дом пропал, только несколько ротозеев крутились возле места, где был дом «мусоров», так в народе окрестили это допотопное строение. Он не сгорел, не разва-

лился, свидетели говорят, что улетел – фьють, и нету. Баба Дуся, из соседнего подъезда, рассказывала, что в магазин за солью выскочила, поздоровалась с Укусом, потом, не доходя магазина, услышала шум, хлопок какой-то. Повернулась, а дома нет, нет ничего – не людей, ни гаражей, не песочницы. Так я осталась без жилья, без денег и личных вещей. Вместе с домом улетели и все коллеги из нашего отдела, осталась я и начальник – капитан Брусницын. Пропажа дома – это ЧП, а пропажа полицейских, вместе с семьями – это было ЧП в квадрате. Из Москвы даже комиссия не успела приехать, для расследования этого аномального случая, как дом вернулся на место, вместе с его жителями. Только люди стали немного другие, лучше и добрее что ли. Укус, после этого случая, и дорогу к дому забыл. Исправился, гад! Самое интересное, что коммуникации не были нарушены, как будто дом никуда не пропал, а стал на время невидимым. Я, с опаской вернулась в свою квартиру, а баба Дуся уехала к себе в деревню, и внуков забрала.

Глава 4

В космосе нет дня, нет ночи, а на загазованной комете с раскалённым ядром – сплошные сумерки. Работать могли только роботы, и то, непродолжительное время, требовалась замена защитных экранов. Информации ноль, зверь выходил из себя, постоянно советовался с Велдом, по мере продвижения по комете, роботы не находили ничего. Велд взял на себя управление поисками, комета была небольшая пятна-

дцать километров в длину и восемь в ширину. Температура поверхности колебалась от пятидесяти до ста пятидесяти градусов Цельсия на поверхности, и это в зависимости от того, какой стороной была повернута комета к Солнцу. Велд определил участки кометы со средней низкой температурой. Нам немного повезло, робот не удержался на скользкой графитовой поверхности и провалился вглубь скалы. Так мы нашли вход. Бурлящая, шипящая, извергающая массы газа поверхность, оказалась искусно подобранной бутафорией – шлюзом в подземный мир. Оболочка была обманом зрения, но то, что нас ожидало внутри, было обманом разума. наших роботов встретило войско из охраны, это были клоны – все на одно лицо, одеты, как первые почтальоны Земли, в какую – то идиотскую форму с коротенькими синенькими брючками, в больших оранжевых ботинках и с гусарского покроя головными уборами. Все солдаты улыбались, холодной улыбкой смерти. Действительно, страшно было видеть этот оскал на бледных лицах кукольных воинов. Движения солдат настолько были отточены, что можно было полюбоваться в видеоэкраны, связанные со зрением поисковых роботов. Честное слово, мы при подготовке к поискам на комете, предусмотрели почти всё, но то, что против нас выступят биороботы, вооружённые мечами и луками..., этого даже Велд не мыслил. Велд дал приказ на отступление. Неля подошла к корабельному компьютеру и связалась с Велдом, о чём они говорили, никто не знает, после обнаружения тай-

ника на комете Галлея, включились полутены и выслали свой десант. Их заинтересовали эти древние игрушки. Полутены прибыли в самый интересный момент: почтальоны решили провести вылазку и атаковать наглых металлических тараканов, за которых они приняли наших роботов, но увидев перед собой оборотней с собачьими головами, они все стали на колени и начали гундосить одну из песенок военного репертуара древней Иудеи. На этом война закончилась. Десантники выключили кукол, и оставив, одного из своих представителей, улетели домой. Мы начали обследование помещения, так тщательно спрятанного от посторонних глаз и охраняемого таким грозным войском. Роботы нашли и нейтрализовали несколько средневековых ловушек. Температура внутри помещения была приемлемая, всё помещение больше было похоже на склад, где в прозрачных пластиковых ящиках лежали люди.

– Биороботы, – поправил оставшийся полутен.

Они со зверем прошли по рядам, включали роботов, делали опрос и выключали. Это были строители, они называли себя инструментом Анубиса. Игл дошел до последних рядов, ему было непонятно, зачем эта консервация, да ещё под охраной, и его взгляд наткнулся на робота с открытыми глазами. Робот не мог двигаться, как парализованный, но жил. Игл почувствовал это и позвал меня. Велд всегда присутствовал рядом с нами:

– Опять всё безвременно собирается?

Перед нами лежал Романов. Я позвал Нелю:

– Узнаёшь? Родственника?

Полутен произвёл пасы включения, и Романов вдохнул разреженный воздух. Робот проснулся с недовольством, и кучей обид, что мы так медленно шевелимся, он уже два столетия посылает сигнал, заряд генератора передатчика кончился, а они только прибыли. Я таким злым свата никогда не видел. Он открыл свой мозг, Велд вынес изображение на стену, отсеяв паразитические картинки. Перед нами был древний Египет, Иудея, Шумерское царство – зарождение и развитие цивилизации. Был народ, но он абсолютно не был похож на нас: зелёная кожа, хитиновые наросты, конечности, как у насекомых. Потом были гиганты, рост мозга у которых не успевал за телом, генетические мутации. Здесь впервые появился Анубис, ещё не бог, а пресмыкающееся у ног Атлантов. Потом была война, унесшая всё живое и родившая богов. Анубис уже был одним из них. Ему отдали царство мёртвых, и он вспомнил старое, Анубис был с планеты, где делают мумии. Он сделал зомби, первую мумию и начал подменять разумных, превращая их в мумии, он живыми мумиями заменил всех, богов тоже. Он сделал так, чтобы биороботы воевали между собой, могли защищаться. Но все они подчинялись только ему. Он не учёл только одного – цивилизация полутенов ушла намного вперёд своего древнего соплеменника. Да, Анубис был из Империи, но архив планеты рекомендует хранить вечно тайну его миссии. Кукловод

сморщился, он через глаза Нели наблюдал, за нашими действиями:

– Пора возвращать Анубиса на Родину. Он наделал столько ошибок, что нам не отмыться. Надо будет исправлять. Интересно, что он задумал?

Последние действия Анубиса, как-то не вписывались в логику его задания. Вся работа Анубиса – это была сплошная ошибка, он создал то, чего не должно быть и это несовершенство претендовало на право жизни. Это было интересно. Император решил не торопить события и проследить за развитием интриги. У него сегодня был удачный день, он нашёл Кукольника для западного сектора, правда тот ещё не знает о том, что скоро будет одним из столпов империи. От этого у Кукловода настроение улучшилось ещё больше. Он любил выдерживать интригу до конца.

Я собрала всех возвращенцев, дела тех людей, которые считали, что они раньше были роботами. Шесть человек с адресами, фамилиями, протоколами допроса. Я не нашла ни одного, они пропали, их кто-то подчистил. Посоветоваться бы с кем-нибудь? Но, даже Уксус, когда нужен – пропал. Психиатр сказал, что это болезнь такая, каждый считает себя немного роботом и хочет быть похожим на Барби или Кена. У меня голова кругом шла от информации, и я не знала, чему верить. Каждую неделю пропадали дети, я разбиралась с их родственниками, а они потом находились в самых непри-

вычных местах. Хорошо, когда находились, плохо, если откладывались в виде протоколов в моём сейфе. Не знаю, пусть меня считают сумасшедшей, но кто-то ворует детей, чтобы сделать из них роботов. Но, кто?

К дурдому в комнате я привыкла: только всходила луна и тени ложились на стены, разрезаемые вспышками троллей трамваев, двери в смежной комнате пропадали, и в зависимости от стадии лунного диска, появлялись различные картины из прошлого. Своего рода, ретро – театр, хорошо, хоть никто ко мне попасть не стремился. Поначалу я боялась, даже спала с кочергой, потом привыкла, как к аквариуму. Одни рыбок разводят, другие пещеры изучают, а у меня живой телевизор – от динозавров, до последних революций человечества. Меня эта дверь не впускала, и никого не выпускала, а с первыми лучами солнца, закрывалась на огромный замок. После пропажи нашего дома, в городе ко всем полицейским с подозрением относиться стали, поэтому я сильно не распространялась насчёт комнаты в прошлое, правда, иной раз подглядывала, что там творилось в былые времена, интересно всё же. И я увидела, мельком: карета с лошадьми, в карете сидела собака, а возничий был похож на робота, и сзади кареты тоже был робот в странном головном уборе. Это был всего миг, но картина в моём мозгу отпечаталась чётко. Я чувствовала, что это видение, как-то связано с пропавшими детьми.

Все следы ведут на Землю. Земля, как в старые и добрые времена, так и осталась ареной интриг. Циклус рассказал о строительстве временных туннелей и проходов между вселенными, только косвенно можно предположить, что это дело Анубиса – руководство столь грандиозной стройкой, но для чего эти туннели нужны – никто не знал. – Опоздал, как всегда опоздал, – сделал заключение Кукловод, – эти туннели давно построены и ими пользуется вся вселенная, а временные – лучше закрыть. Вселенная не любит колебаний. Неужели..., до Кукловода дошло, чего хотел Анубис и для чего ему нужны были биороботы, названные условно «исполнители». Кукловод решил собрать кукольников. Мои ноги пружинили, я отвык от Земли, жизнь на другой планете вписывает в твоё тело свой режим и привычки. И когда, преодолевая силу тяжести, вы тратите энергию с большей интенсивностью, чем на планете зверя, у вас появляется дискомфорт. Вы начинаете понимать, что необходимо приспособиться к Земле. Неля едва успевала за нами. Зверь не любил, когда на него пялились, собирая толпы народа, он тогда ещё больше краснел и представлял из себя зловещую фигуру. Игл преобразался в таксу, неизвестной породы, в наморднике, которая бежала впереди полутена. Полутен мог создать иллюзию, но он вполне успешно пользовался маской. Маска лица человека, подчинялась командам нервных окончаний, воспроизводя мимику, и была не заметна при общении. Создалась комическая ситуация: собака вела марсиани-

на в собачьей упряжке. Неля, с непривычки, уставала гнаться за нами, переходила на лёгкое планирование. Мне время от времени, приходилось её спускать на землю. Игл привёл нас в свой старый дом, заросший диким виноградом. И только, с трудом, попав внутрь, мы расслабились, скинув с себя весь земной камуфляж. Неля превратилась в облако, повисла под потолком, марсианин завалился на кресло, высунув свой раздвоенный язык – это у него называлось позой варана (я, ещё по безвременью, помнил эту его привычку расслабляться) Полутен сорвал с себя маску Фантомаса и принялся рассматривать жилище. Я растирал свои ноги. Полутен дал мне мазь. Нам осталось ждать Романова только он один обладал сетью разведчиков и знал кого и где искать. Из потока информации, что он нам выдал, мы поняли одно, что намечается грандиозный шухер, и мы находимся в эпицентре событий.

Ученики его учеников должны были оставить следы. Циклус разглядывал карту России с едва заметными пометками. Кто-то должен был противостоять этому зомбированию. Шла незримая война уже несколько столетий, шла перезагрузка мозгов, почти в каждом человеке, кто-то вмонтировал пусковое устройство, каждому дано предназначение, осталось только нажать кнопку. Это была массовая акция. Ещё с шестнадцатого века, в одном из монастырей Италии учёные создали датчик, реагирующий на отверженных (так

назвали людей, подвергшихся влиянию дьявола), они почти ничем не отличались от обыкновенных людей, но после удара серебряным молоточком по камертону, издающему гамму неслышимых звуков, отверженные становились одержимыми, бесноватыми, сходили с ума и теряли сознание. Они говорили, что их зовёт, дьявол зовёт и повелевает им сделать... Дальше всё было записано в книги инквизиции. Но время уничтожило инквизицию вместе с монастырём, пожар уничтожил книги, копии допросов никто не размножил. Всё сгорело. Остался дьявол, продолжающий свою работу, и камертон. Датчик был у Романова. Он научился отверженных определять и без датчика, они всё – таки отличались от нормальных людей, но камертон был для циклауса, эталоном. Он не имел права на ошибку. И в этот маленький городок, ничем не примечательный на фоне всей России, он приехал именно за этим изделием. Адепта-хранителя давно нет, но датчик цел, и циклус достал его из тайника. За спиной остались развалины монастыря, кладбищенские стены, циклус перемещался в сторону вокзала, его ждали, ему нужно было срочно уезжать, он ловил недоумённые вопросы своей правнучки по телепатическим каналам. Но его что-то задерживало в этом городе, непонятное неудовлетворение незаконченности своей работы. Датчик это было не всё, что-то оставалось за кулисами кладбищенских стен. Он чувствовал взгляд, чужой, дерзкий. Романов внимательно осмотрелся и увидел, наблюдающую за ним девушку в полицейском мундире, она сидела

в кафе напротив и внимательно следила за Романовым, через толстые прозрачные стены. Циклус вспомнил, как его поймали в Прибалтике, сначала так же следили через витраж, только сауны в Литве не прозрачны, видно всё, что творится на улице, но наблюдатель скрыт зеркальным покрытием. Циклус не любил зеркала, они не давали преобразаться, и его заманили в ловушку. За создателем сети сопротивления давно велась слежка и половина адептов была уничтожена. Из циклуса выкачали всю информацию, а потом выкинули на комету, как кучу мусора вместе с использованным инструментом. Романову это стоило лет забвения, но он не сдался. В Прибалтике под ноги из бани выкатился мяч... больше он ничего не помнит.

Девушка, несмотря на символы власти, не решалась подойти к незнакомцу. Она вспомнила, где видела фотографию этого человека: у Матрёшки в личном деле была копия старинной гравюры. Один из изображённых на ней был очень похож на незнакомца, появившегося в их городе. Городок был небольшой, все друг друга знали в лицо. А, он, он был какой-то не такой! Отличался от всех жителей. Он был особенный, девушка знала, что он подойдёт к ней, ей так много надо было ему рассказать. Она, просто, сидела и ждала. И он подошёл, сел рядом за столик, и между ними состоялся разговор, который никто не слышал. Генетическая память ещё сохранила язык циклусов в мозгу молодой красавицы и способность воспринимать телепатию. Девушка не помнила,

как она привела домой гостя, мимо проедающих глаза соседей, они дождались луны, и циклус исчез за заколдованной дверью. Он знал ключ времени, прошло много тысячелетий, а код так и не поменялся. Когда я проснулась, я ничего не помнила, соседи тоже. Сам же Романов не знал, что его потянуло в эту дверь, он схватился за край нити клубка, ответ был там в безвременье.

Это был закрытый сектор. Чувствовалась рука мастера, город был мёртв, по пустым улицам ветер гонял бумагу, всё было закрыто: дома, магазины, почта; не было голубей и бродячих собак, вместо метронома был колокол на монастырской колокольне, время от времени раздавался стук, превращающийся в звон и следом шёл скрип кладбищенской калитки, её как будто ветром шатало, итак после каждого боя колокола. Романов быстро разобрался с этими нововведениями. Кто-то специально создал безвременье, осталось понять – зачем. Романов поднялся на колокольню, отсюда лучше было видно окрест городишка. Нужно было определиться с границами безвременья и с тайнами этого места. Колокол продолжал отбивать свои склянки, создавая ритм безвременья. Река не текла, её, как вырезали из течения, превратив в продолговатое озеро, в реке не отражалось небо, его просто не было, творец забыл создать, в этом мире постоянно был вечер, все картинки, нарисованные воображением, виделись, как в тумане. Метроном создавал иллюзию жизнен-

ного пространства. Романов увидел тень, она перебежала через дорогу.

Наверно, показалось, – подумал циклус.

После удара метронома, он уже явно увидел девочку в разорванном старом платье. Девочка была напугана его появлением. Романов постарался подкрасться к этому существу, ему нужна была информация. Девочка могла сюда попасть случайно при создании безвременья, но в любом случае, она что-то видела, что-то знала. Циклус поймал человека и применил телепатию. Это была Матрёшка, она уже несколько лет в безвременье, провалилась на монастырском кладбище, а когда вылезла из целого отряда роботов, то очутилась здесь. Метроном отстучал ещё один удар и Матрёшка пропала, появился тот же город, с целой кладбищенской стеной и действующим монастырём, был какой-то церковный праздник, народ гулял на площади, мимо проносились экипажи, по реке, против течения плыл пароход. Коробейники расхваливали товар, а по дороге к пристани, грузчики катили бочки с солёной рыбой. Романов с таким ещё не сталкивался, не очень похоже было на безвременье. Он решил понаблюдать. И только после шестой склянки сменилось всё: город пропал, Романов остался на бугре, а под бугром два саблезубых тигра глотали свежее мясо мамонта, земля была покрыта льдом или настом. Было холодно, очень холодно. В пещере, под скалой горел костёр, и циклус вспомнил, что он выглядит, как человек, превратился в облако и джи-

ном, быстренько перебрался поближе к огню. В пещере была стая дикарей, в них циклус узнал хархов. Он никогда не мог подумать, что первые дикари, заселившие землю, были хархами. Циклус спрятался под сводом пещеры, на него никто не обратил внимания, там было тепло и всё видно. На костре вялилось мясо мамонта, наверное, того самого, которого терзали кошки с большими зубами. Дети время от времени, подбрасывали дрова в костёр и запчасти от роботов. Роботы были разобраны на конечности и скорее напоминали что-то среднее между пластиком и мумиями. Но горели хорошо, давали много жара. Вокруг костра бегал старик, ругал молодёжь и отодвигал мясо, не забывая отщипнуть кусочек. Через шесть склянок опять сменился пейзаж и циклус попал на кладбище. Там были пустоты, заставленные биороботами в знакомом обмундировании, роботов было много, они, как терракотовые войны стояли плотными каре, спрятанные под землёй. Я нашёл то, для чего создавались безвременья. Дальше мне надо была моя группа, мне нужна была помощь. Пора отсюда выбираться, – подумал я. Девочка так и осталась под гипнозом, она была из отверженных, её заразили перед тем, как поместить в безвременье, но я решил Матрёшку забрать с собой, мне удивительно, как она выживала здесь в одиночестве, у неё и так был вид умалишённой. Я внёс её через дверь в наш мир и положил рядом со спящей хозяйкой. А, у меня ещё были дела, меня давно ждали, и я покинул этот город, по-английски, не прощаясь. Я знал, что мне

нужно будет сюда вернуться.

Глава 5

Если долго находиться в одной компании в ограниченном помещении, возникают конфликты. Этот раз все ополчились на меня, их повар не устроил: у каждого, свой вкус и свои амбиции. Я никогда не думал, что полутены, как мусульмане – не едят свинину по определённым дням. В праздники они вообще обходятся без мяса. А я знаю, когда у них День объединения, и кто и где с кем совокуплялся? Один шибзик, с собачьей рожей, поднял такой скандал, что, мама не горюй. Он так и не смог объяснить, что этот праздник значит для страны полутенов, но от его причитаний голова болела у всех. Мой ответ был однозначен – не нравится, ради всех святых, иди в ресторан. Тебя там накормят, как ты хочешь. Не ешь мяса, бери салат, должен я помнить о всех ваших вкусовых симпатиях? Ребятам надоело сидеть в четырёх стенах, зверь решил организовать ночные прогулки. Все уже заждались Романова. Эти ночные прогулки стали кошмаром для города с большой историей. В первую же ночь на памятник Сусанина повесили конный полицейский патруль с лошадьми, испытав на них все полицейские приспособления от дубинки до электрошока. Вся ассамблея висела на наручниках, спокойная, спокойная. Больше никогда не будут обыскивать любителей животного мира, гуляющего под луной. Полутен согласился составить компанию зверю. И, вот... Их счастье, что не успели оружие применить, а то бы дышали

свежим вакуумом. Грабители, от государства, отделались по – божески, их сняли до обеда, и не разбираясь, отправили отдыхать домой. В том, что они написали в объяснительных записках, даже психоаналитики не смогли разобраться. Циклус появился после обеда, а на следующий день мы были в пути. Начиналась работа, ради которой мы прибыли на Землю.

«Оракул» подсчитывал риски в обстоятельствах, сложившихся в системе взаимоотношений между планетами, входящими в одну империю. «Оракул» – это машинная цивилизация, она согласилась на временное подчинение под знамёнами императора. Кукловод спросил:

– Что значит временное?

Компьютер ответил просто:

– Пока вы не превратитесь в пыль.

Кукловод думал:

– Значит «Оракул» смог обезопасить себя, и машинная цивилизация восстановится, что бы не случилось. А, полутены переживают демографический кризис.

Нация вымирает, и он не находил причины, она была спрятана глубоко в истории. Полутены ничем не отличались от роботов, охранники могли создать семью, но без операционной поддержки, охранники вырождались, превращались в полудикие существа. Когда законы общества не работают, государство умирает. Биороботы погибали тысячами на ди-

ких необустроенных планетах, но их можно было восстано-
вить, с охранниками было посложнее, но полутены уже на-
учились создавать гибрид охранника и биоробота. Полуте-
ны не восстанавливались, женщин было мало и после бур-
ных лет молодости, они не способны были произвести здо-
ровое потомство. Система здравоохранения отбраковывала
большую часть новорожденных. Император не любил оку-
наться в историю, он знал почему так случилось. Анубис был
из числа тех, кто пытался изменить мир, и полутены выки-
нули его за пределы вселенной. Анубиса засекали датчики на
границе Млечного пути. Он был игрушкой в руках репти-
лиоргов, потом он попал на планету тысячи имён. Здесь он
и раскрыл свои дарования: он смог создать само воспроиз-
водимые биороботы, от мельчайших до сложных. Он создал
человека, он создал всё, способное развеселить рептилиор-
гов. Последнего рептилиорга «весёлые» биороботы загнали
в пещеру и забросали камнями, а самого полутена сожгли на
костре, как исчадие ада. Император знал, что Анубис мертв,
и сказка про владыку преисподней, всего лишь была сказкой.
Он ждал вестей с Земли. Земля не являлась частью империи,
но входила в зону её интересов. Нити кукловодов всегда ви-
сели над головами её аборигенов. «Оракул» выдал приемле-
мый результат для существования империи на ближайшую
тысячу лет, и император успокоился.

Сегодня было воскресенье, так хотелось поваляться. Чья

– то рука коснулась моего тела, я приоткрыла глаза, и двойной крик разрезал утреннюю тишину дома. На против меня, в моей постели сидела грязная, расхлябанная кикимора и орала, что есть мочи. Я старалась быть её зеркальным отражением, правда мою чистую ночнушку, не сравнить с её лохмотьями, но в остальном всё правда. Мы орала до тех пор, пока кто-то из соседей не постучал по водопроводной трубе.

– Ты кто? Как здесь очутилась, в моей квартире и в моей постели? Почему ты такая грязная?

Я вылила целый ушат вопросов, получив в ответ:

– Не знаю.

Имя и фамилия мне ничего не говорили. Я погнала незнакомку в душ, придумывая, во что её переодеть. Всю одежду девушки я, не глядя, выбросила в мусор. Через пол часа из душа раздался крик. Сначала выскочила голая девушка, за ней собака с огромным красным тараканом. Потом выплыл пузырь, похожий на накаченную куклу, он так и остался висеть под потолком. В двери постучали, и, не смотря, на то, что они были закрыты на два оборота замка, в квартиру вошли два приличных, ещё не старых мужчины. Одного из них, я кажется, когда-то видела. После душа, я её узнала, Матрёшка обернулась в накидку для дивана и поливала непрошенных гостей такими словами, что не надо было переводчика. Пузырю надоело висеть под потолком, и женщина опустилась на пол, махнула несколько раз перед глазами Матрёшки и слова застряли во рту этого ещё не высохшего

создания. Она первая поздоровалась и назвала себя:

– Неля. А это – мой прадед, Романов. Его друг – Серёжа, и мой бывший свёкр, а это Игл – марсианин, у полутенов нет имён, кроме тех, которые они заслужили.

Неля покосилась на собаку, которая пыталась выдать свой оскал за лучезарную улыбку кинозвезды. Матрёшка, как королева, забралась с ногами на диван, одной рукой придерживая конец накидки, а другой – швабру, захваченную из ванной комнаты в качестве оборонительного орудия. Я так и не поняла, каким образом эта странная кавалькада попала в ванную комнату, но к моей загадочной, заколоченной тайне, прибавилось несколько живых персонажей из мультфильма.

– Я – офицер полиции, находясь при здравом сознании, (не для протокола) подтверждаю, что в этот, свободный от работы день, в мою комнату неведомым путём проникла Матрёшка, которая притащила за собой каких – то полутенов, тараканов, с резиновой говорящей женщиной. Остальные Серёжи, Романовы вошли сами, хотя их никто не звал.

Разрядил обстановку тот, кого воздушный шарик назвал свёкром:

– Пошли чай пить, а то некоторым дамам переодеться нужно, и вообще.

Я не поняла, что вообще, но аппетитно запахло баранками и Серёжа, как маг волшебник, по пути на кухню стал доставать чай и малиновое варенье. Дядька совсем на Уксуса похож не был. Самое странное, что я всё восприняла, как долж-

ное, без возмущения, за неожиданное вторжение, всё так и должно было случиться. У меня не было страха, я незваных гостей приняла, как лучших друзей. Но когда за столом заговорил Романов, я всё вспомнила. До появления луны ещё было шесть часов. Пришельцы ждали открытия двери. В разговоре мне задали несколько наводящих вопросов, я пообещала притащить куб из сейфа. Полутен сказал, что это стационарное обычное записывающее устройство, несущее в себе массу информации, которую можно расшифровать на Имперiale или другой высокоразвитой планете. Игл усмехнулся: ему не нравился этот навязавшийся гуманоид, от него пахло собакой и хитрости тоже были собачьи. Ещё нет куба, а он информацию стремится утащить на родину, дипломат. Мы с Урусом и не такое расшифровывали, зверь вспомнил про первое безвременье. Если девочка принесёт куб, то он никому его не отдаст, Велд сам раскусит этот информационный орешек. Чай не пил только полутен, он не любил этот горячий напиток, а баранки ему очень понравились. Неля оказалась очень приятной собеседницей, они с Матрёшкой обсуждали современную моду. Время за чаепитием шло медленно, мне было интересно, а что дальше, что там есть за этой дверью, закрытой на амбарный замок? Издержки профессии, наверно?

Дверь открылась, как всегда – растаяла с последними лучами солнца. Разношерстная компания последний раз про-

штудировала свои действия, перед тем как войти в неизведанное. Неля, должна быть на контроле и не пытаться проникнуть через дверь, она была наблюдатель. (Одновременно она была «оком» кукловода, только ничего не знала об этом) Первым в открытую дверь вошел Романов. Он уже успел побывать в безвременье, поэтому знал, что его ожидает. Потом дверь закрылась, и впустила очередного гостя, только через время, определившее следующую стадию безвременья. В карнавальном городе шагнул полутен; дождался своей очереди Игл, последним ушёл Урус (мне его представили, как Серёжу, а для меня было удобней его назвать дядей, дядя Серёжа. Человек в летах, неудобно как – то.) Из всей компании, Урус больше всех походил на человека.

– На работа, – так и слышался, везде, этот глас без именного, меня он почему-то к роботам не относил, а Матрёшку с её несносным характером, отнёс, наверное, к бракованным изделиям.

Она, к собаке тоже относилась, как к полуфабрикату, с презрением. Полутена недолюбливали все, он одним своим видом вызывал антипатию. Его терпели, а он терпел нас, подчиняясь приказам своих начальников; и когда он ушёл в безвременье, все вздохнули с облегчением. Но только не в первый день, ни во второй никто не вернулся назад. Неля сидела каждую ночь на стуле без толку. Матрёшка нашла каких – то подруг и пропадала в своём кругу, я ходила на работу, иногда выпадали дежурства, домой приходила редко. Неля

всё стремилась помочь друзьям, но я отговаривала её, да и дверь перестала впускать пришельцев. Неля пыталась, но у неё ничего не выходило. Тяжелее всего ждать, я сочувствовала Неле, женщина почти перестала есть и таяла на глазах. Она возненавидела эту дверь вместе с тем, что находилось за ней. Друзья попали в беду, и она не в силах была помочь.

Циклус первым вошёл в безвременье. Город по-прежнему был пуст, ветер гонял сухие прошлогодние листья, время от времени скрипела калитка и раздавался бой метронома. Романов подошел к тумбе, на которой были наклеены объявления. Клей был не качественный и половину объявлений сорвало ветром, чудом болталась афиша местного театра. Романов оторвал её и успел прочитать: – Мы ждём вас... Следующее, что он помнил: был прозрачный ящик, он не мог шевельнуть ни рукой, не ногой. Ящик дрожал, его либо перевозили, либо перетаскивали. Циклус не дышал и ничего не чувствовал, кроме передвижения, было такое ощущение, как будто он умер, циклус даже говорить не мог. Он попытался применить другие свои свойства, доступные только организму циклопа, но бесполезно, его выключили из жизни, оставив только зрение и мозг. Да и смотреть он мог только вверх, с трудом вращая глазами. Романов стал тренировать глаза, через некоторое время у него получилось вращать глазами яблоками по желанию полутрупа. Он увидел, что ящик летит в каком-то туннеле, передвигаясь с остановками, перед

незримыми светофорами, подчиняясь законам чуждого разума. Романов возобновил тренировки, он попытался оживить мимику. У него получилось, он продолжил дальше. Романов не знал, сколько прошло времени, когда он ватными обессиленными руками смог сдвинуть крышку этого пластикового саркофага, прошло ещё много времени, пока он смог подняться. Романов понял, что его поймали на обыкновенную статическую мышеловку, только вместо сыра, в данном безвременье был любой предмет, изменивший своё положение по желанию жертвы.

– Не надо было трогать афишу, – подумал циклус:

– Теперь вот еду из пункта «А» в пункт «Б».

Мыслей в голову не приходило ни каких, поэтому все усилия Романов направил на тренировку тела, пока он ещё был очень слаб. Организм ввели в странное состояние: он не дышал, у него не было пульса, температуры, он не хотел есть, пить, не чувствовал боли, но был жив. Это отличалось даже от консервации на комете. Казалось, что кто-то пытается доставить пойманный экземпляр в наиболее свежем виде, своего рода заморозка. Романов не хотел гадать, это было глупо придумывать заранее страшилки, но мысли о пользе быстрого и рационального питания не уходили из его головы. Вероятность того, что по ту сторону туннеля, его с нетерпением ждёт монстр, питающийся исключительно живыми циклопами, была очень велика. Романов, частично освободившийся от пут, готовил сюрприз для принимающей стороны. Он до-

ждался туннельного перекрёстка, с двигающимися пластиковыми гробами и подменил содержимое. Романов всматривался в то, что он смог выловить на перекрёстке, оно больше похоже было на рыбу, это даже пахло морем.

– Господа! Вас ожидает рыбный день, – сыронизировал Циклус.

Перекрёстков стало больше.

– Наверно скоро конец путешествию, – подумал Романов, приготовившись к решительным действиям.

Циклус не знал, чем его отравили, но напавшие просчитались, Романов не заметил, как появился пульс, воздух был разрежен, но дышать можно было. Романов восстановил свои функции, не присущие людям: невидимость и левитацию, если бы ещё ментал вернулся, то мы ещё повоюем...

Полутену не нравилась эта командировка в компании с недоумками, тем более нужно было терпеть их руководство, не только терпеть, а и подчиняться этим уродам. Его вырвали из вполне благополучной планеты, где очаги сопротивления местных голубых обезьян были давно подавлены и планета строилась и развивалась по плану. Заканчивали строительство первого каскада тюрем, стали завозить роботов с соседних планет для работы на шахтах и обогащательных фабриках. Полутен руководил строительством космодромов, и надо же было попасться на глаза одному из помощников кукольника! Полутен, по уставу, подчинялся приказу

вышестоящего руководителя. И вот, он здесь. Он абсолютно не понимал, что ищут эти придурки, для чего нужен весь этот спектакль, и почему они пьют горячую воду, называя её чаем. Но туда, куда он попал, войдя через прозрачную дверь, он не пожелал бы никому. Перед ним развернулся театр абсурда, полутен никогда не видел пьяных весёлых людей, для него они все были ненормальными. И всё-таки, они смогли угостить пришельца медовухой, полутену понравился этот высококалорийный напиток со странным вкусом. Проснулся он на третий день, без одежды с цепью на шее. Рядом спал мохнатый, которого цыгане называли медведем. Полутен быстро освободился, сделал одежду из соломы и пошёл гулять, выписывая немыслимые кренделя по дороге. Праздник был в разгаре, у полутена трещала голова и была сухость во рту.

– Ты куда прёшь, чучело? Сейчас салюты пускать будем.

Бородатый, перегородил ему путь, выталкивая с дороги. Полутен не мог простить такой обиды и со злостью вцепился в бороду изделия, в голове вспыхнул сноп красивых искр, и вскоре по всей дороге была куча мала. Полутен опять очнулся возле медведя, с цепью на шее. Болело всё: голова и что к ней прикручено, руки и ноги казались переломанными, а всё лицо состояло из сплошных гематом. Было плохо, очень плохо, а потом проснулся медведь. Полутен забыл зачем его произвели на свет, медведь пол часа строил из него космодром, не давая взлететь за пределы этого сарая. Полутен не

мог понять, что весёлого в этих праздниках, и почему лица у этих роботов такие довольные. Он всё – таки набрался смелости, чтобы уползти от мохнатого чудовища, но двери назад не нашёл. Зато нашли его:

– Вот эта собака, что осмелилась мне бороду выщипать.

И всё веселье началось сначала. У полутена терпение кончилось, он послал всех Кукольников с их подкаблучниками и отделал целую группу скоморохов. Весело было! Потом отомстил медведю, на его рёв сбежалась толпа. Медведи тоже плачут, когда их не понимают. Веселье закончилось тем, что полутен связал всех цыган цепью и подвесил на колесе обозрения, потом разогнал весь веселящийся народ. Вскоре город стал похож на первый лунный сегмент, он стал пустым и безлюдным. Грузчики приходили в себя, вытаскивая головы из бочек с сельдью, выли цыгане на колесе обозрения, на тумбе отклеилась афиша местного театра... Полутен сорвал её... Последнее, что он помнил, по рукам струилась энергия, растекаясь по всему телу. И всё. Он очнулся на витрине магазина, возле менеджера, рекламирующего товар. Аккумуляторы были включены в щадящий режим, он мог только смотреть на прохожих, через витринное стекло и слышать рекламу для детей, где его предлагали в качестве охранника дома, с функциями будильника, под роботом, на табличке, вместо названия, было написано:

– Радость любителей животных.

Что только не придумают, лишь бы продать товар. Полу-

тен забыл, что он полутен. По конституции империи было запрещено из полутенов делать роботов, считалось, что из высших существ нельзя сделать робота, но кто-то забыл про этот закон. Наконец, полутен понял, что искали эти придурки, но было поздно.

Когда Игл выбрался на поверхность, среди нескончаемых сугробов он видел туши вымерших от голода животных. Снег не таял, а только прибывал, ссыпаясь лавинами с ближайших гор. Люди и хищники ушли, чтобы найти хоть какое напоминание о роботах, нужно было вести раскопки, если люди не спалили их за ненужностью. Зверь думал, какой это извращённой фантазией необходимо обладать, чтобы что-то прятать в этой снежной пустыне. Это было невысказано, среди холодного моря смерти..., он ошибался. С тех пор, как Игл появился на планете, за ним непрерывно велось наблюдение, с записью на куб приора, изображений он выдавал множество, с полной раскладкой всех имеющихся средств нападения у объекта. Внешний вид марсианина не смог обмануть наблюдателя, ему не раз приходилось вступать в схватку с подобными существами, он знал о степени их разумности. Игл почувствовал, что за ним наблюдают, у этого существа было много рук и много глаз, он был похож на шар, весь утыканный глазами, глаза телескопически могли выдвигаться. Передвигался этот глазастик на летающей платформе, либо его переносили четыре робота. Зверь яв-

но увидел отпечатки их оранжевых ботинок. С фантазией у дизайнера по костюмам было скучновато, Иглу скоро эти почтальоны мерещиться начнут. Марсианин попытался подкрасться под снегом, но наблюдатель сканировал его передвижение. Тогда Игл создал того, что нет и направил его навстречу опасности. Иллюзия была точной копией марсианина, сделанная из льда, снега и камней. Она проворно двигалась к цели, пока наблюдатель не нажал кнопку огнемёта, огнемёт растопил снег и превратил голема в пар, иллюзия растаяла. Глазастик доволен был результатом и решил лично проверить поверженного противника. Платформа взлетела над снежным плато, и глазастик скатился кубарем в сугроб, подхваченный обыкновенным арканом. Платформа, потеряв управление, рухнула в океан, пробив лёд. Глазастик не хотел признавать поражение, ног он не имел, вместо ног у него были рудиментарные присоски, а перекачиваться глазами по снегу было, ох как неприятно. Наблюдатель пялился во все стороны, сопротивляясь телепатии. Гипноз – это была последняя стадия для пленённого, зверь никуда не спешил. По темнеющим снежным тучам, он давно определил, что надвигается буря. Иглу закопаться, раз плюнуть, но что будет этот глазастый глобус делать? И он сдался, открыл свой мозг, который находился под щупальцами, начал пугать. Игл внимательно рассматривал когти на своих конечностях, и когда у наблюдателя иссякли страшилки, марсианин предложил сыграть в футбол, где в качестве мяча должен выступить

шар с глазами, осталось выбрать ворота.

– Не надо ворота, – завопило существо.

Оказывается, оно и разговаривать могло. Под землю спустились задолго до начала бури. Игл выключил весь обслуживающий персонал, этому он у полутенов научился, запер шар в железную клетку и накрыл тёмной вуалью, как попугая. Хранилище находилось у подножья вулкана, под снегом росло всё. Зверь сорвал веточку винограда, протянул лапы к тёплому камню и заснул. Проснулся от толчков землетрясения, вовремя вулкан разбудил его. Шар ухитрился сбежать из железной клетки, пропавив её прутья энергией, как сваркой. Он уже почти добрался до подводной лодки, но с потолка оборвалась глыба льда..., зверь брезгительно посмотрел на то, что ещё недавно было живым существом и достойным противником. В складе произошло возгорание, заработала система пожаротушения, но вулканическая лава прибывала и прибывала. Зверь успел вытащить информационные накопители, он помнил, как девочка разрисовала эти нефритовые кубы, вместе с памятью наблюдателя это была неплохая информация для Велда. Землю опять закачало. Пора сваливать, – решил марсианин. Он дождался совмещения времён и переступил через порог двери. Девочки спали, Неля расположилась в кресле, напротив двери, шаль в которую она куталась, сползла на пол. Зверь поправил осторожно шаль, чтобы растаявший снег с его густых ресниц не попал на её, разгорячённое ото сна, тело. А за дверью была буря, с извер-

жением вулкана, не зря хищники и люди ушли из этих мест. Марсианин нашёл себе место в углу и скрутился в калачик, как ёжик, укрывшись своими хитиновыми пластинами. Он был первым из возвратившихся, прошёл целый год, но марсианин уже спал, он ничего не знал.

Русскому всегда везёт, не успел он переступить порог двери, как был скручен монахами и отправлен в темницу, а для лучшей разговорчивости его подвесили на дыбу. Потом, в силу церковных праздников, про него забыли, после крестного хода случился пожар и сгорел самый важный свидетель церковного суда, который сам своими глазами видел антихриста. Палач был пьян, его никак не могли заставить выполнять свои обязанности. С трудом, отпоив морсом его бросили в пыточную и закрыли снаружи дверь. Палач снял с дыбы потерявшего сознание Уруса и бросил его к мертвецам. Напротив, дыбы было маленькое окошко с лампадой, палач постучал. И, как в цирке, из воздуха появился большой солёный огурец и полуштоф водки. Палач перекрестился, зажёл лампаду и приступил к вечерней трапезе. Через час трапезник играл в карты с покойниками, разговаривал с чертями и ловил зелёных мух. Монахи боялись его беспокоить и ждали, когда буйство покинет этого очумелого. Урус почувствовал боль в теле, позвоночник согнутый в баранку, отрубился вместе с мозгом. Но, очнувшись, он вновь прочувствовал всю прелесть средневекового дознания. Похудеть надо, – по-

думал русский, это надо – под собственным весом так изогнуло! Палач спал, обняв медное кадило. Урус попробовал разогнуться, такое ощущение, что по спине дубиной врезали. Прошло ещё два часа, пока пленник, с трудом, умудрился стать на ноги и передвигаясь, как каракатица добрался до волшебного окошка палача. Сквозь окно бил свет луны, окрашивая ночь в пугающие цвета. Охранник из молодых монахов, при виде синего упыря, вылезавшего через окно из мертвецкой, убежал из монастыря, через реку, по воде, быстро перебирая ногами. Он уверял, потом, что за ним гналось целое полчище мертвяков на ведьмах, а впереди всех был палач с кадилом. Игумен понюхал, от монаха пахло спиртным, наверное, с палачом трапезничали? Про Уруса все забыли, он и сам не знал, за что монахи обошлись с ним так. А, если бы знал, может всё бы обошлось по – другому. В тот день случилось то, чего городок не переживал много лет: служащий бакалейной лавки, уединившись по малой нужде в развалинах старой колокольни, узрел антихриста в кукольном наряде при собаке, вернее собака была при антихристе. Этот бакалейщик их и обделал, за что получил в глаз. Собака ругалась больше антихриста, бакалейщик запомнил:

– Как эти нехристи обнаглели!

Синяк он продемонстрировал на городском собрании. Собрание решило антихриста выловить, Урус не попадал под описание дьявола, но в кутузку за компанию угодил, наделав немного переполоха в праздничные дни. Если честно, то

Сергей не знал, где находятся роботы в этом городке, но назад возвращаться боялся, там и день, и ночь караулила толпа религиозных фанатов, распеваящих псалмы и подбадривающих себя кагором, прячась друг от друга. Сергей вспомнил, что Матрёшка говорила что-то про кладбище, провалилась она там, а когда вылезла, то очутилась в городе, вроде и роботы в её рассказе были, только в какую фазу луны произошло это событие, Урус не помнил абсолютно, у него, после пыточной, всё в голове перемешалось, и двигался он ещё неправильно – боком, хромая на две ноги. Его одежда была непривычна для этих мест, но он вышел из положения, сделав из, валявшейся около дороги, грязной накидки, что-то похожее на хламиду, и стал похож на кладбищенского сторожа. Сергей – бывший учитель истории, даже не знал в какую эпоху он попал, он знал только одно, что история в этом месте – обман, иллюзия; для создания безвременья этот городок вырвали из его времени, заставив всех жить по новым правилам, надиктованным создателем этой иллюзии, а кто не вписывается в эти правила... Как не маскировался Сергей, но он тоже не избежал путешествия в пластиковой коробке по туннелю Анубиса. Что его выдало и как он попал в коробку, Сергей не помнил, он ничего не помнил про кладбище, он ничего не знал про этот мир.

Глава 6

Отец приходил редко, но она звала его. Иной раз они разговаривали часами, он спешил передать ей свой опыт, слов-

но чувствуя поджидаемую опасность. Когда отца не стало, ей было тысяча лет, она сформировалась, как девушка. На этой планете не было похожих на неё, с возрастом эта планета стала тюрьмой. В окружении Этлов – этих вечных учителей с их нравоучительностью, она не чувствовала себя одинокой. Этлы придумывали ей занятия, и не навязчиво, в играх, обучали её тому, что знали сами. Отец говорил, что Этлы – это мутанты, полученные более ранней цивилизацией в экспериментах со временем. Это был ключ к бессмертию. От Этлов пошли полутены, о полутенах девушка не знала ничего, это было табу на планете Этлов. У отца с этим племенем были какие-то неприятные воспоминания. На планете была межгалактическая яхта, но Этлы не давали код доступа, да она и не знала, как управлять ею. Этлы говорили, что после того, как окончится срок обучения, они допустят ученицу к яхте. Яхта – это будет последним, что ей придётся изучить перед выходом во взрослый мир. Этлы продолжали с ней говорить, как с маленькой, и каждый день забивали голову знаниями, откладывая каждый предмет в ячейках памяти. Этот день она запомнила, Этлы собрались на площади и синхронно мотали головами, создавая звук гремучей змеи, это был траур, кто-то из популяции погиб, рой отреагировал на это. Этлы, не смотря на большую массу, и разумный образ жизни, были насекомыми. Они, запросто, могли соединять мозговые усилия, для решения сложной задачи; могли обмениваться опытом и имели общую базу данных, записанную

в едином мозгу. Этлы – это был живой компьютер, они вели очень скрытный образ жизни. Девочка не знает, как отец смог добиться их расположения. Этлы никого не пускали в свой мир, они уничтожали всех попавших в зону влияния роя, отвергая любой контакт и дипломатию. Никто не знал сколько их, где живут и что могут. Девочка спешила стать взрослой, её манили блестящие звёзды, глаза блестели, когда она пробегала мимо яхты, она вдыхала воздух путешествий, и ждала, когда закончится учёба.

Романов случайно выловил родственника, они оказались на одной конвейерной линии, и взгляд циклауса скользнул по передвигающимся «гробам». Физиономия свата светилась, как будто он выиграл суперприз, Урус был такой счастливый – всю жизнь, наверно, ждал, когда из него сделают отбивную или гамбургер. Романов закрыл Уруса в какой-то кладовке, по толстому слою пыли, удостоверившись, что её не посещают ремонтники, и отправился вглубь конвейера на разведку. За следующим поворотом был виден выход. Циклус взвился вверх, под потолок туннеля и стал невидимым. Только редкие датчики могли определить нечто, попавшее в зону наблюдения, и то, автоматика принимала поступивший сигнал, как помеху. Романов удивился: на выходе был цех, нет – целый завод, со сложной технологией, по производству мумий. Из живых существ делали нечто, похожее на механизмы, заменяли внутренние органы, мозги, всё это уходило

ло специальными каналами, оставляли оболочку, вкачивали какую – то жидкость, вживляли микропроцессоры, делали скрытую камеру для аккумуляторов. Роботы наладчики принимали изделие, доводили до ума, и по разным направлениям, так же на конвейерах уходила готовая продукция. Одевали и программировали биороботов, видимо в другом месте. Циклус вернулся назад. Это был хорошо поставленный поток, полностью автоматизированное производство. Оно могло быть автономно, а могло быть управляемо извне. Циклус решил не спешить, немного понаблюдать, рискуя быть обнаруженным. Конвейер работал круглосуточно, по одежде материала, поступающего на завод, можно было определить, что существа были отловлены из разных времён, были со свежими ранами с поля боя, разные: висельники, утопленники, даже обгоревшие в кострах. Не вся продукция годилась для применения. Циклус определил контейнер с браком, в котором лежала рыба, подмененная им, видимо из рыб биороботы не получают. Циклус увидел ожившую каракатицу с человеческой головой, которая раскрыла рот с ядовитыми зубами и раздвоенным языком пробовала воздух, не доверяя глазам. Она или не вышла полностью из анабиоза, застыла в растерянности, не зная кого кусать. Роботы пустили газ..., и по конвейеру готовой продукции поехало практичное транспортное средство – вездеход для роботизированных воинов. Никакой модификации, сплошная штамповка! Брак забирала тележка один раз в три цикла, здесь был

тоже свой метроном, только Романов ещё не определил, где он находится. Циклус решил проследить за браком. Робот с десятком рук, перебирал отбракованную продукцию, осматривал через линзы с змееподобными окончаниями, отбирал то, что могло пригодиться, остальное бросал в шнек. Фарш, упакованный в пакеты, уходил по назначению. На этом технология брака заканчивалась. Весь остальной процесс шёл за пределами помещения. Земле никогда не грозит перенаселение, Земле никогда не грозит голод.

Наконец у свата что-то сдвинулось, пропала идиотская улыбка и как шарниры стали крутиться глаза, но прошло целых пять дней, пока Урус не спросил:

– Где я? Кто я?

Даже после улучшения на фабрике полутенов, эти роботы были очень слабы и не выносливы. Циклус отдыхал после своего шпионажа, в обыкновенной невидимости он терял много энергии, поэтому использовал резерв своего организма. Надо было выбираться, он ещё не знал, как, и куда их занесло, хорошо, хоть Урус очнулся, вместе что-нибудь придумаем. Циклус понял, что система здесь жёсткая, и всё под контролем, партизанщина с криками «Ура» не прокатит, а вот симитировать технологическую поломку, нет проблем. Он даже почти придумал, как... Пусть, только сват на ноги станет.

Серёжа, Серёжа...нет, Романову больше нравилось ста-

рое безвременное прозвище друга, он называл его Урус, сват не обижался. Сегодня он сделал первый шаг, как ребёнок, неумело и неуверенно. Романов изучал движение конвейера, сам туннель больше был похож на портал между мирами, метроном корректировал время. Романов так увлёкся, что чуть не пропустил гостей. Их было трое, Романов успел спрятаться, таких существ он ещё не видел, они, издав далеко, выглядели круглыми и пятнистыми, но по мере приближения больше были похожи на свернувшиеся ежи, только вместо больших колючек, были глаза, передвигающиеся на телескопических отростках, на каждом глазе было полупрозрачное веко, своего рода светофильтр, позволяющий смотреть на более яркие объекты. Это были первыми живыми существами, которых циклус увидел в этом мире. Глазастики передвигались на радиоуправляемых платформах, это был обслуживающий персонал этого круглосуточного завода, у них был профилактический осмотр оборудования. Романова они не заметили, он воспользовался невидимостью и успел предупредить свата, чтобы он не шумел. Сергей тренировал мышечную массу, благо тяжёлых камней здесь хватало, как и каких-то резиновых корней, спускающихся с потолка туннеля и напоминающих толстых змей. Они пружинили в руках землянина, выполняя функцию эспандера. Тренировку пришлось прекратить. Романов отметил успехи в усилиях свата, он вспомнил, как его самого качало, когда он отходил от отравления. Романов выбрал эту версию своего пленения,

просто, доза яда была рассчитана на стандартного человека, а Романов Циклус, у него защитные свойства организма лучше. Ещё немного, и можно будет убираться с этой фабрики. Наконец проверяющие покинули объект, и Романов продолжил обдумывать свою идею. Им надо будет вернуться назад, тем же путём, что и прибыли, только циклус не помнил, как его отравили, как грузили и первые участки пути – не помнил совсем, но то, что он придумал, больше было похоже на диверсию, при удачном применении, она не даст пропустить старт. Расчёт был нарушить алгоритм робототехники, сделать простую и неприятную поломку, Романов предвкушал триумф, он ещё, и ещё раз обдумывал свои действия. Он задумал организовать реверс – поменять направление движения конвейеров, притом не одного, а нескольких, в этом мире не применялось электричество, вся технология была построена на механике и немного «волшебства», которое никак не мог понять циклус. Урус, по специальности, историк, тоже вряд будет полезен для решения технических задач. Послезавтра надо уходить, он достал последние энергетические таблетки, входящие в состав космического десантника, поделился со сватом. Первый свой эксперимент с реверсом он решил выполнить завтра, выбрав мало использованный конвейер. Запаса энергии в организме должно хватить на неделю, а там – видно будет. Романов, по всем правилам механики, остановил конвейер, вставив большой камень между катками, по всему подземелью раздался визг, и что-то за

стенкой лопнуло, вывалив огромные валуны. Романов нырнул в образовавшийся проём, и то, что он там увидел, было настолько неожиданно, что циклус рассмеялся. Всё «волшебство» этой конструкции, состояло, из обыкновенного водяного колеса, всё было скрыто за стеной, большие зубчатые шестерни, надёжно были закреплены в редукторе. Теперь поменять движение конвейера было элементарно. На этом конвейере лопнул вал, и вода сломала колесо. Романов перенёс свои эксперименты на другую аналогичную конструкцию, и он добился, «гробы» помчались в другую сторону. Романов перестроил все конвейеры, превратив всё производство робототехники в хаос: роботы-сборщики застыли из – за отсутствия материала, Романов прочувствовал, что творится на погрузке и заулыбался. Дальше был долгий путь домой, пока не упёрлись в затор из «гробов». По всем туннелям летали «глазастики», но им было не до двух пластиковых коробок, уже причаливших к выходу. Два землянина, с трудом, прошли через завал из тел, «гробов» и поломанных роботов. Материал начал оживать, некоторые уже пытались двигаться, не поняв, как они здесь очутились, и самое интересное, что в этом пространстве не было ни одного «глазастика». Романов с Урусом попали в снежное безвременье, дождались, когда совместится дверь и откроется проход в наш мир, в комнату симпатичной полицейской, имеющей частицу циклусовой крови. Романов абсолютно ничего не знал о других десантниках в эти безвременья, сколько

прошло времени с момента, как они вошли в эту дверь. Они прибыли в один день со зверем, Игл спал, свернувшись в калачик, на горизонте появились первые лучи солнца и проход закрылся на огромный амбарный замок. Неожиданно зазвонил будильник, полусонная Неля нащупала рукой телефон, сегодня была её очередь готовить завтрак. Но немножко проморгав глаза, она с криком «Ура!» повисла на руках своего прадеда. Игл с Урусом не стали мешать семейной идиллии, отошли немного в сторону и горячо обсуждали свои приключения. Мне же нужно было собираться на работу в, порядком поднадоевший, полицейский участок, и почему все самые интересные события происходят по понедельникам?

Император решил привести мысли в порядок и на несколько дней тайком прилетел на свою планету, наняв общественный экипаж. Конечно, на яхте работал преданный человек, но этот ход помогал сбить со следов шпионов, и хоть на время отвлечься от государственного управления. Для всех он был болен, к нему не допускали никого. Кукловоду необходим был совет аналитика. В мире происходили такие события, и он не успевал за динамикой их развития. Гемо мог помочь разобраться. Кукловод решил поделиться информацией, это была его игра, в которой фишки шагали по чёрным клеткам и сами создавали для себя правила игры. Гемо похвастался созданным аналитическим центром на базе инопланетных технологий, он мог давать прогнозы

на сотни лет вперёд, по любой операции, необходимо только ввести исходные данные. Достаточно было на клавиатуре набрать вопрос и одеть шлем, машина сама выдаст ответ и рекомендации к использованию. Очень удобно и экономит время, вопрос можно задать вслух и ждите ответа. Кукловод не доверял машине, он хотел лично переговорить с Гемо, то, что накопилось в его памяти, было опасно для полутенов и для всей империи. Он еще не был готов к разговору и оттягивал время. Он посетил имение Брена, увидел, как тренируется Глория, девочка выросла и с успехом отбивалась от четырёх охранников. Императору нравились её неординарные приёмы, Брен пожаловался, что тяжелоато подыскать спаринг– партнёров против «принцессы». Здесь Глори все называют принцессой. Кукловод знал, что в истории сохраниться только то имя, какое тебе дал народ. Он успокоился, впереди была целая ночь, чтоб обдумать диалог с оракулом. Его радовали успехи приёмной дочери.

Неля никак не могла прийти в себя, она, в силу своей эмоциональности, рассказывала сколько слёз вылила на подушки, про то, что система не пускала её в безвременье, как хозяйка и Матрёшка успокаивали её.

– Мальчики! Я вас уже давно похоронила.

Хороши мальчики, – подумал я. Нам было по триста лет с гаком. Невольно покосился в зеркало, на меня смотрело худое ушатое прыщавое существо, лет шестнадцати. Сват вы-

глядел, как всегда, молодо, а Игл стал зелёного цвета, его шкура блестела на солнце, как у крокодила. Боюсь, за таксу он уже не сойдёт, да и меньше стал. Мы рассказали про все наши путешествия, вопросов возникло больше, чем ответов. За полутена вспомнили вскользь, в надежде, что он выкарабкается, и вот-вот выйдет из двери:

– А, вот и я. Не потеряли меня, куклы?

Но полутен не появлялся. Про него вспомнили на Империале и направили десант в безвременье. Десантники появились, как приведения, материализовавшись в комнате и исчезли за дверью, не удостоив нас внимания. Больше мы их не видели. Сын соседа выиграл городскую шахматную олимпиаду, ездил по путёвке в Египет и привёз оттуда куклу, вылитый полутеновский десантник. Моя квартира, в последнее время превратилась в проходной двор, я уже привыкла, но однажды вернулась с работы и никого не застала. Мне дико стало, не могли они так уйти, не попрощавшись, Матрёшку забрали, наверное, с собой? Осталась опять я одна, скучно, аж жуть!

Прибежала Матрёшка, растрёпанная, весёлая, Неля не успела чайник поставить, как мы все очутились на Империале в одной из секретных тюрем, нас даже по камерам не разделили. Охранник сказал, что с нами хочет пообщаться аналитик, это из мутантов который. Знаем мы его общение, он мозги, как консервы, открывает. Потом голова раскалывается. Но, пока его нет, у нас появилась возможность обсудить

наше положение и выработать план действий. Не знаю, биороботы мы, нет? Но, когда воруют людей, это не хорошо. А, налаженный бизнес, по их переоформлению – это преступление против человечества. Надо было выяснить, кому это нужно. С какой целью меняют людей, превращая в биологических роботов. Внедряя их, негласно, во все слои общества, от проституток, до генералов и политиков. В нашем безвременье, где мы побывали, готовят солдат, потом складировать в пустотах планеты. Мы даже не уверены, была ли это Земля. Игл говорил, что есть и другие безвременья, на которых готовят более совершенных воинов. Он не знает где, но зверь их чувствует, от них пахнет безвременьем, ведут они себя, как люди, до определённого часа пик. Они постоянно находятся в ожидании команды. Брак выставляют на продажу, получая прибыль. Было всё: и «куклы», гуляющие по Земле, «куклы», валяющиеся на складах, «куклы-шпионы» на прилавках магазинов, живые взрывчатки, работающие во всех сферах производства, «куклы», руководящие странами, имеющие в подчинении многомиллионные народы и держащие руки на кнопке ядерных чемоданчиков. И все они ждали команды. Но от кого, кто управлял этим коллапсом? У нас не было никакой информации. И даже, при том, что чуть сами не стали «куклами». Романов видел каких-то технарей, а Игл уничтожил зрителя. Утром прибыл аналитик, в теле робота, и с нами начали работать. Первый же осмотр выявил неожиданности, у Матрёшки извлекли взрывчатку и систему

связи. Учёные выяснили сигнал для активации, это я узнал потом, а пока было просто:

– Дышите, не дышите, температура, реакция на раздражение, сокращение мышц.

Процесс омоложения организма прошёл хорошо. Кое-что изменили, кое-что добавили. Допроса не было, одели шлемофон, и пока мы музыку слушали, списали всю информацию нашей памяти. Дополнительные вопросы бесполезно было задавать. Информацию просматривал аналитик сам, не допуская своих ассистентов. Кое – что, уничтожал сразу, после просмотра, я благодарен ему, что он не тронул нашу память, значит мы были ещё нужны этой высокоразвитой цивилизации. Если бы мы представляли бы, хоть какую опасность для этого народа, то Гемо, не задумываясь, стёр бы нас, как личности, оставив оболочку, как воспоминание о биороботах, считающих себя людьми. Для него не было разницы, кто ты – циклус, зверь или человек, он мог обнулить кого хочешь, будь ты Геракл или полутен. Гемо служил только Кукловоду.

Глава 7

Аналитик вернулся на свою планету с нехорошими вестями, он добавил в базу данных аналитического центра информацию, снятую с земных биороботов, это явилось подтверждением его выводов. Император ждал ответа, он после разговора с Гемо не тешил себя иллюзиями, ему было обидно и невдомёк, почему это случилось при его правлении, когда в

рядах власти такие бреши, правление на планетах подвержено анархии, кто-то выводит со строя роботов, поступают сигналы из различных сегментов империи, умы будоражат ложные философы, выдумывающие невероятные формы правления, любыми путями, подрывающие все усилия власти к стабилизации. Аналитик подготовил программу по нейтрализации этих сил, с пользой для общества: пора от строительства тюрем переходить к планетам тюрьмам, пусть сами заключённые строят для себя мир, который хотят, под любую философию. Через несколько лет, после принудительной высылки, можно будет проверить живучесть теорий этих философов, которым империя не нравится. Кукловод думал:

– Кажется ничего не пропустил.

Аналитик обратился к машине и через пять минут дал вердикт в руки императора. Решение было однозначным – **ВОЙНА!**

Нашу компанию раскидали. Зверя забрали. Романов возглавил имперскую разведку, с ним Гемо вёл отдельный разговор, не посвящая нас в детали. Матрёшку держали в медицинском научном центре, выуживая из её организма иноземные технологии, которыми эта девочка была напичкана, как еж колючками. Меня с Нелей аналитик оставил на своей планете, представив перед Глорией двух новых инструкторов: меня назвав Историком, а Нелю – инструктором по боевой подготовке. Я даже не замечал за бывшей невесткой,

такие навыки. Но Гемо лучше знает, кто на что способен. Гемо, с его аналитическим центром был истинный штаб империи. Империя готовилась к войне, круглосуточно работали гипнотизирующие центры, шло перепрограммирование роботов, все оборудование, все заводы ставились на военные рельсы, появилось много военной техники. Сотрудники Романова вылавливали шпионов пачками и старались, как можно пресечь передачу разведанных, доходило до абсурда – один робот, работающий парикмахером, мог быть агентом трёх и более планет, причём эти вспомогательные услуги он получил официально, через биржу труда. Романов показывал объявление:

– Такая-то, такая фирма набирает штат высокооплачиваемых разведчиков, с перечнем причитающихся льгот.

Парикмахером этот робот только числился, отдыхая круглый год на экзотических планетах. Романов его даже в свой штат побрезговал взять, в гипнотическом центре сказали, что его даже перепрофилировать не нужно было. Мне жалко было Матрёшку, попросил Романова посодействовать, вытащить её из плена военно-медицинской хирургии. На что сват ответил:

– Не могу.

Она ретранслятор, таких, как Матрёшка, мы даже переделывать боимся, изолируем их как можно. Не волнуйся пытки и истязания ей не грозят, но пока ей лучше побыть под надзором учёных, для её же пользы. Романову я доверял.

Глории я читал историю Земли, так, как преподавали её мне. Девочка была любопытна, записывала весь процесс урока, а на следующий день задавала такие простые вопросы, на которые я не мог ответить. По этим вопросам можно было запросто писать альтернативную историю. Я немного расширил её кругозор, рассказав про теорию Линнея, Дарвина. Она очень внимательно слушала, а потом спрашивала:

– А, куда делся хвост? Если этих учёных сделали из обезьяны, то куда делся хвост?

Я пытался объяснить, что при эволюции, он отпал, за ненадобностью. На следующий день по всей планете бегали хвостатые куклы, хвосты у них отросли за ночь. Неля, моя невестка, посоветовала мне быть осторожнее со своими баснями, сгоняя отросшим хвостом муху со лба. Ещё принцесса спрашивала:

– А, голова?

– Что голова?

– Голова, не отпала, за ненадобностью?

Когда Романов, случайно попал на планету, он чуть не умер со смеха, увидев меня в образе горбатого неандертальца, а у Нели бигуди выросли не на голове, а на носу, она превратилась в смесь Горгоны с селёдкой, такими, по мнению Глории были русалки, Неля постоянно пела марши, русалки должны петь и заманивать женихов. Так что Романов легко отделался, Глория его за добычу русалки приняла. Про фа-

раонов и мумий я уже боялся рассказывать. Неля сквозь песни шипела:

– Следи за языком, придурок.

Я не знаю, как эта пигалица такое вытворяла, но превращаться в исторические пособия мне не нравилось. Селедкин хвост у Нели отпал сам по себе – за ненадобностью, марши тоже кончились, видно ребёнок наигрался, Неля перестала со мной разговаривать, голос у неё пропал, она только шипела в мою сторону, смахивая, продолжая отрастать, бигуди. Нос у неё был красного цвета, как у алкоголика, она меня ненавидела, вместе с моей долбанной историей. Я боялся подходить к зеркалу, при одном виде моих глаз, как у лемура лори, мне становилось плохо, а ребёнку нравилось. Я пожаловался Гемо на произвол малой, тот обещал применить меры, а мне советовал держаться принципа и не искажать историю Земли. Гемо был императорским аналитиком, и вообще – мозгом этой системы, имеющим влияние на всех, в том числе и на принцессу. На следующее утро, и горб пропал и зрение стало нормальным, без уже привычного колера. Неля впервые улыбнулась на татами, размазав по ковру свою ученицу, превратившуюся в слизняка. Глория сама не поняла, делала всё правильно. С этих пор, всё, что пыталась воспроизвести девушка, отражалось на ней самой. В конце концов полутенянке надоели эти игры, оканчивающиеся самобичеванием, и уроки истории стали протекать в нормальном русле. Я отдал должное: хорошо, что не учитель математики,

тот пытался ей интеграл объяснить. Бедные врачи причитали, что такого радикулита не бывает. Девочка была с юмором, но с характером, она сказала, что неправильная у вас история, больше похожа на сказку, и ведёте вы себя неправильно, устраиваете какие-то войны, придумываете кукольных богов, городите такую чушь и сами в неё верите. Вся ваша история – это обман, за которым стоит дядя, с ниточками в руках. Вы марионетки и эта история придумана для вас. Дальнейшие занятия проводить было бессмысленно, Гемо посмотрел записи уроков малой, улыбнулся. Вы когда-нибудь видели, как улыбается мутант? Уроки истории закончила Неля, циклус поведала свою точку зрения на земные события. Это был консенсус, девочку удовлетворило преподавание тренера по рукопашному бою. Мне стало обидно, я себя почувствовал такой не нужной куклой. Глория поняла, попросила прощения:

– Не обижайся! Ты такой хороший, сказочник!

В этом мире я остался Сказочником, хотя ни с кем больше про историю Земли старался не говорить. Гипнотического центра не избежал и я, только меня перестроил сам Гемо. Я стал комендантом этой планеты. Неля была главнокомандующий, циклусов полутены не относили к куклам, этот народ оказался древнее полутенов, и им доверяли ответственные посты, мне же было вверено управление логистикой. В моём подчинении было пятьдесят биороботов, вся охрана, дети Гемо тоже числились в моём штате, при лазарете. На под-

земных складах было скоплено всё, для жизнеобеспечения планеты. Надо было только придерживаться временных циклов. Обороной руководила Неля, и всё было бы хорошо, если бы против нас не выступила более древняя цивилизация, и применила против империи такое оружие, о котором мы, даже понятия не имели. Я не люблю писать о войне, война – это настолько грязное дело, что пачкаешься сразу весь, с ног до головы и всю жизнь потом пытаешься отмыться в мемуарах. Не зависимо: победил ты или потерпел поражение; остался жив – а значит виноват, и с этой поры живёшь взаимы. Ты остался должен погибшим. Дёргающих ниточки переполняла эйфория, они смогли превратить тебя в зверя, ты готов был зубами рвать себе подобных, уничтожать их ротами, батальонами, армиями. Современная война на уровне галактик – быстрая, бесчеловечная: где-то достаточно было выжечь атмосферу, чтобы остались единицы, которых даже противником считать нельзя; некоторые планеты легче было взорвать, столько на них накопилось злости и мусора, Землю испарили со всем её кукольным народом, начиненным взрывчаткой. Не стало океанов и времён года. Люди сами отказались от любви, не в силах разорвать контакт с кукловодом. Они умерли, как герои! Сразу все, как на кукольном спектакле, когда актёр бросает нити управления марионетками на сцену, одевает перчатки и уходит, под аплодисменты зрителей. Война закончилась очень быстро: две империи, как свора собак рвала друг другу глотки, сметая всё и всех

на своём пути, пока не вмешалась третья сила и повернула время вспять к отмеченному ей нулевому меридиану. Это был третий эксперимент с гуманоидами, и опять неудачный.

Глория вступила в схватку с той, которая была окружена электрическими шарами. Этлы пытались защитить дочь Анубиса от пришельцев, они до последнего не могли понять, как их нашли, как смогли вычислить их улей. Рой погибал, не в силах сопротивляться технике пришельцев. У войны нет правил, рой был отравлен и Этлы валялись по всей планете, съедаемые антиинфекционными термитами. Последних Этлов, защищавших подопечную, смели металлической сетью, разрядив их полностью. Две гордых полутенки, выросшие в разных концах вселенной, откинули холодное оружие, и началась битва двух мастеров рукопашного боя. Потом время смешалось, появилась Матрёшка с одним большим глазом и живым поводком, зелёного цвета, напоминающего марсианина, она разняла дерущихся собак. На них совсем не было одежды, не было благородства, грязные лапы и чудовищный оскал. Игра закончилась, надетый на шею поводок, ограничивал движение и чем-то напоминал нить марионетки. Девочка повела собак домой, где у каждой был свой вольер.

Росли деревья, похожие на кактусы. Надо мной было зелёное небо и оранжевое солнце, высоко, под сиреневыми облаками, парила небольшая стая птеродактилей. Я лежал в тени горы, где-то плескалось море. Потом гора повернулась и

перед моим взором предстал огромный одноглазый карапуз.

Я спросил:

– Где я?

Карапуз поднялся и побежал с криком:

– Мама, кукла очнулась!

Подошла женщина, чем-то похожая на Нелю, только с одним глазом:

– Ох, и долго же ты Романов восстанавливался, я думала навеки останешься игрушкой для моих малых.

Она рукой махнула вдоль берега, где, атакуя отца, резвилась стая маленьких циклопиков. Я критично осмотрел себя: на мне были оранжевые клоунские штиблеты и коротенькие голубые штанишки, про дальнейший фасон одежды можно было не догадываться. Неля заметила, что я скривился:

– Не переживай Романов, тело заменим, как подберём что-нибудь подходящее.

И они нашли, и это новое тело было немного лучше, не тёрло и не давило, я почувствовал, как заработало моё сердце, перегоняя красную кровь по венам, артериям, питая органы. В зеркале был грек, а может иудей, не так важно. Я шагал по берегу и слышал, как маленькая девочка спрашивала у брата:

– А, кукла теперь кто?

Он ответил не задумываясь, вспомнив уроки отца:

– Циклус, придумавший людей! Придумавший мир, которого никогда не было.

– Ты не веришь в бога?

– Я пишу фантастику, а не танцую её.

– Ты считаешь религию фантастикой?

– Хуже, гораздо хуже. Она придумана адептами, как выбор направления развития всего человечества на многие века вперёд. Они умышленно исказили учение Христа, отдав на откуп жизнь человеческую в руки торговцев и промышленников. Сама же религия не объединила, а рассорила народы, создав сотни ненужных толкований. Бог един, а религий – множество. И если бы был бог, разве допустил бы он этого?

– Ты считаешь, что виноват бог в гибели людей?

– Нет, виноваты сами люди. Они всегда стремились к самоуничтожению.

– Тогда причём здесь бог?

– Бога нет, вы слышите, его никогда не было! Был создатель, или группа создателей, но они, к сожалению, тоже – не бог. Нельзя верить в то, что не видишь, в то, чего не существует в природе!

– Вы ошибаетесь молодой человек. Бог существует, в другом измерении, но он есть и именно бог, ответственен за эти миры, которые он назвал антагонистическими. Земля была создана, для примера – как нельзя жить, и заселена народом, который, как хорошие актёры играли свою роль – они в финале спектакля, добились сверх могущества и уничтожили

планету вместе с собой. Земля была примером для остальных, смотрите, изучайте и одумайтесь от несправедливых действий. А люди? Гибель Земли не была смертью для человечества. Много людей, в момент большого взрыва, находилось за пределами человеческой цивилизации – в секретных лабораториях других миров, в резервациях, в разных уголках вселенной, просто, как генетический код на блуждающих метеорах и в океанах новых, только рождённых планет. Будет ли альтернативное человечество похоже на себя – каким оно было до взрыва, или будет отличаться, никто не знает. Человек жив, а это главное.

И корреспондент начал таять. Последние слова его доносились до меня тогда, когда растворился в воздухе микрофон и пропала вся записывающая аппаратура.

– Эй! Ты кто?

– Бог... Бо..., или мне послышалось?

Эти непонятные социальные опросы и здесь достают.

– Ты видел бога? – спросил я лежачего рядом товарища.

Он посмотрел на меня со странной всезнающей улыбкой:

– Перегрелся маленько!

Волны щекотали пятки, и действительно – какие опросы на пляже?

– Витёк, пошли пиво пить, – позвала меня проходящая ватага ребят.

Я, оказывается, уже Витёк, вчера называли меня иначе. Давно ли я перестал страдать угрызениями совести, что ме-

няю тела, каждую неделю. Я не циклоп и мне не надоело жить, я... не знаю, кто я. Империя находилась в самом расцвете, на карте звёздного мира это была лишь маленькая точка, включающая в себя все космические образования. Империя циклопов с номерными планетами, которые в масштабах вселенной были настолько малы, что никто не удосуживался придумать им имя. Иногда это делалось специально, императоры скрывали свои ресурсы, чтобы предотвратить нескончаемые войны империй. Циклопы не были исключением, никогда не было уверенности, что ты выйдешь победителем в борьбе за своё существование. Нас, по приказу императора, с помощью луча транспондера перекинули на другую планету, из новых, разрабатываемых. Кончилось наше время блаженства, всё надо было начинать сначала. Здесь не было ничего: голая земля без растительности, никем не заселённая и несколько шахт с рабами. Не было нашего тёплого и ласкового моря с бутиками и кофейнями, не было пива, городов, дорог. Циклопы всё прибывали, и прибывали. Ещё были видны следы военных действий, земля дымилась в тех местах, где было оказано сопротивление. Циклопы всё прибывали, транспондер, для переноса живой силы, работал не переставая. Механизмы и технику обещали поставить через два месяца. А пока осваивайтесь. Осваиваться где? Вернее, на чём? А ещё точнее – зачем? Несмотря, что народом было заполнено огромное пространство, в шахты – под землю, никто не спешил. Все уже были наслышаны о свойствах до-

бываемых материалов на спорных планетах. Вырывающая из земельных глубин неведомая энергия, убивала целые города с населяющими их народами. Повсеместно, в разработке шахт и в добыче всех глубинных полезных ископаемых использовались рабы. Нам с ними было запрещено общаться. Войны шли между цивилизациями, рабы переходили по наследству, от одних хозяев к другим, без изменения статуса. Рабам было фиолетово, кто победит в той или иной войне, это было вне пределов их интересов. Раб оставался рабом, если он даже вырвался из этой системы. Клеймо раба вечно и не стирается, отсвечивает на одной из левых конечностей, под воздействием ультрафиолета. У раба есть выбор: либо он переходит служить новому хозяину, либо, за определённую наградную сумму, его возвратят прежнему владельцу. Циклопы ждали специальных роботов, контактирующих и управляющих новыми рабами. Роботы были в пути и со дня на день должны были появиться на планете, если ничего не случится непредвиденного. Случилось, на следующий день случилось. Сначала была атака метеоров, превратившая большую часть прибывшего населения в бесформенные груды мяса, перемешанные с пылью, землёй и камнями. Я, наплевав на все законы и приличия, успел добежать до шахты. Моему примеру последовало несколько циклопов, остальные предпочли смерть – общению с рабами.

Глава 8

Потом произошёл какой-то временной сдвиг, я не знаю,

что это было. Планета оказалась совсем в другой реальности, я видел, как время раздавило всё, что находилось на поверхности, потом потемнело в глазах. Когда я очнулся и пришёл в себя, на выходе из шахты был лес, внизу текла река. Вдоль которой сновали не пуганные животные, похожие на водоплавающих крыс. Мои друзья по несчастью стали по одному возвращаться к жизни.

– Где мы?

Я промолчал. Когда не знаешь ответа на заданный вопрос, лучше молчать. Эту истину я усвоил в своём далёком прошлом, тогда учитель, может быть пожалеет и поставит удовлетворительную оценку. За молчание. Молчать тоже надо уметь. Циклопы психологически были менее подготовлены – начался гвалт, переходящий в истерику, а я этого не люблю. Я вышел наружу: воздух был бесцветный, небо зеленоватое с голубизной, была звезда – большая неяркая, оранжевого оттенка, растительность зелёная, вода в реке – синяя. Что ещё надо? И я успокоился, да это была не Земля, был вечер и из-за пригорка, заросшего экзотическими кустарниками, всходило сразу две луны, но я почувствовал такое спокойствие, как будто вернулся домой из далёких странствий. Надо было обследовать, что творится в самих пещерах. Компанию из циклопов мне никто не составил, бедные подданные империи, они до сих пор не смогли поверить, что это произошло именно с ними, и вместо того, чтобы радоваться, что остались живы, продолжали крутить носом. Общаться с рабами,

даже смотреть, как они живут, это было сверх сил циклопов. Я усмехнулся, в некоторых случаях лучше оказаться живым рабом, чем мёртвым свободным жителем несуществующей империи. Вдруг что, император за вас защищаться не прибежит, нас там уже давно списали, вместе с планетой. Я, ругнулся, про себя и отправился к спусковому лифту шахты. Энергии не было, но это не помешало мне спуститься. Шахта была не глубокой, метров сто вниз, сеть коридоров. Я, наверное, вовремя спустился, все рабы были закрыты в клетях. Это были люди. Я обратился к ним на нескольких земных языках, но они меня не поняли. Их, наверное, закрыли давно, многие из людей умерли от жажды и голода. Один из этих полоумных скелетов, показал жестами на соседний пакгауз. Там была вода. Я открывал клетки и бросал открытые ёмкости с водой. Среди рабов началось шевеление. В соседнем отсеке, были такие же клетки, заполненные одними женщинами. Среди женщин, процент умерших от обезвоживания и голода был больше. Каждого живого человека пришлось отпаивать мне самому. Я нашёл и консервы, только дозировку старался урезать до минимума, знал, как на голодных людей влияет переедание. Всего, в живых, через три дня, оказалось семьдесят шесть человек, из них двадцать восемь женщин, при пятнадцати циклопах. Себя я не считал, циклопом я так и не стал, в человека не возвратился; по своему образу я оставался куклой, только в руках других хозяев, думающей, разумной куклой, правда не было клоунских штиблет

с голубыми штанишками, но, к сожалению, это так. Я вывел людей на поверхность, мимо зажавших нос циклопов. Они впервые, за свою жизнь, видели рабов. Я, всё же, попытался создать инициативную группу, чтобы проверить две другие шахты, может ещё кого из живых удастся спасти. Люди были очень слабы и ничем, практически, не могли помочь, хотя и пытались. На мой призыв откликнулось двое молодых циклопов, для которых люди показались не очень уродливыми и недостойными плохого отношения к ним. Это было начало. Я знал, что циклопы на этой планете обречены, среди циклопов не было ни одной женщины. Циклопы живут долго, но не вечно, в крайнем случае, память о них останется в легендах. Начиналась новая эпоха, эпоха альтернативного человечества, о которой мне говорил бог. Но пока, два молодых циклопа, это было всё, на что я мог рассчитывать в этом новом диком мире. Наше счастье, что по пути на шахты, мы не встретили никаких хищников, хотя их близкие крики охладили наши сердца. На одной из шахт все были мертвы, проникший газ из глубины, убил всё живое. На второй шахте мы спасли две дюжины существ, но это были не люди, не совсем люди. Их предводитель попросил отпустить их и не афишировать их присутствие. Я их понимал, их состояние было близко к моему, они тоже не были похожи не на людей, не на циклопов. Внешне они были больше звери, чем люди, хотя по разуму опережали жителей ведущих империй. Предводитель убедил меня – на них не было клейма раба,

циклопы победили их народ, но не успели надругаться. Мы вернулись к людям, теперь нас было трое, а это уже была команда. Переночевали мы в шахте: там было сухо, еда и относительный уровень безопасности. Когда не уверен в себе, не уверен в своём выборе, лучше попытаться вспомнить что-нибудь хорошее. Я вспомнил свой последний день на планете циклопов. Я очень боялся прохождения через транспондер, не было уверенности в луче, в его непонятных кодировках и в последний день, перед перемещением на другой край галактики, я зашёл в бар, с одной целью – набраться, по-русски, до посинения. Его мне представили, как восходящую звезду мировой генетики, он был из циклопов третьей генной модификации. Самое удачное сочетание всех случайных совпадений за последние два тысячелетия.

– Никогда не бойтесь потерять, бойтесь приобрести лишнее. Потерянное всегда можно будет восстановить, от приобретённого не всегда удаётся избавиться, оно будет передаваться из поколения в поколение.

– Вы хотите сказать, что луч транспондера с его кодированием, похож на отношения мужчины и женщины, в период физической близости?

– А вы наблюдательны, молодой человек!

Генетик протянул мне бокал с ароматным крепким напитком, похожим на коньяк.

– Я за чистоту отношений. Выпьем за любовь!

Окончательно я пришёл в себя на следующий день. Гене-

тик остался там, а я – чёрт знает где. Я не знаю сколько мне лет, и кто я, какая уж тут любовь, сплошная чистота отношений. Я забыл, как звали моего собеседника, то ли Борей, то ли Бобом, я иногда не помню, как зовут меня. За пару тысяч лет жизни вполне возможно стать хроническим алкоголиком. И это просто. Приобретённое! Не знаю, но я этот эпизод из моей жизни, почему-то отвёл в раздел приятных, мне нравились эмоции, пережитые мной в баре.

Настоящая жизнь – это эмоции, это ветер в лицо с холодной солёной морской водой, а не тусклые разговоры о погоде с коротанием вечеров перед экраном телевизора или дисплеем компьютера. На этой планете нет ни того не другого, и не скоро будут. Сплошные эмоции, блин. Я уже начал скушать по моим старым друзьям, со всеми их достоинствами и недостатками. Но их не было рядом, они остались там – в антагонистическом мире, а нам предстоит построить альтернативную историю человечества – здесь, среди этих джунглей, начиная всё с нуля: от костяной иглы с кварцевым наконечником для стрел, до использования атомной энергии, и главное – избежать конфронтации. Задача кажется, по началу, невыполнимой, но это надо сделать, ради будущего на этой планете, ради всего человечества. Надо не допустить тех ошибок, что были на Земле. Никаких рас, никаких религий, следить за чистотой языка, чтобы не было никакого разноязычия. Не воспитывать детей, как будущих воинов и никакой однополый любви, иначе эту планету лучше взорвать

сразу, чем допустить её постепенное вымирание от бывших земных грехов. Слишком много нет..., а у меня всего два помощника, и те – циклопы. Что они знают о Земле, о планете войн и греха? Хотя нет, несмотря на маленькие имперские неувязки, у циклопов с построением отношений в государстве есть чему поучиться. Всё, решено, новый мир людей больше будет похож на мир циклопов. Нельзя строить строй с инфантильным образом жизни. Съедят, ближайшие соседи съедят. Агрессивность, в меру, тоже обязана присутствовать. Всё должно быть, как у циклопов, а уж люди сами выберут как им жить. Быть империи или нет, довольствоваться королевством на одной планете, или завоёвывать новое пространство.

– Этот циклоп, считающий себя куклой снова пропал.

Мы опять потеряли его. Я сделала запрос поисковику, они начали перебирать все измерения. Планета X– восемь, на которую он был направлен, самоуничтожилась. В списке восстановления «кукла» не обнаружен, код не дает допуск к реинкарнации, значит «кукла» жив. За последнее тысячелетие со времени начала отсчёта, это третий случай его побега, иначе эти систематические пропадания назвать нельзя. Прошло много времени с начала эксперимента, но до сих пор, «кукла» считается эталонном по которому калибруется луч транспондера.

– У нас есть все исходные данные, скажи:

– Зачем нам нужна «кукла»? Почему мы ищем её каждый

раз, а она и рада окунуться в грязь выдуманных историй, мы не успеваем зачищать её следы. Она придумывает миры с фантастическими существами и самое интересное, – эти миры оживают, они наполнены вымышленными народами, которые не имеют права на жизнь.

– Урия! Выполняй свою работу, твоё дело было контролировать подопечного, где он?

Я заткнулась. «Кукла», пропал, опять поисковики заняты по моей вине, а виной бокал амброзии, но об этом лучше молчать.

– Всё равно не пойму. Не нравится тебе быть циклопом, но зачем уродовать себя, один лишний глаз чего стоит. А тела, он меняет их, чуть ли не каждый месяц и ему нравится. Он сочиняет различные легенды, сам себе рассказывает и потом лепит этих немислимых чудовищ: то кентавров, то горгон... Он обладает завидным непостоянством, забывает о своих увлечениях с такой же лёгкостью, как и начинает новое дело. Сначала создал Землю, я ему не мешала, потом выдумал дождь, и как пьяный Вакх, весь извалялся в грязи. Я думала забавляется, а он вылепил человека, это был первый урод, которого сделал «кукла», потом были другие, целая армия глиняных фигурок. И вместо того, чтобы скомкать все свои художества в большой глиняный шар, этот «кукла» вдохнул в них жизнь. Моё дело было наблюдать. Творения из грязи не стали чище, грязь родила существа с грязной душой и разумом. Грязь любыми путями пыталась вернуться к

первозданному виду, которым она была до тех пор, пока руки создателя не коснулись материи, и это ей удалось. Я вернула «куклу» на Родину, и подчистила за ним его фантазии. Я всего вторую тысячу лет участвую в эксперименте, и ещё помню выражение лица бывшего надсмотрщика за эталонном. Я знаю, что «кукла» не виноват, но не знаю, на какой стадии эксперимента он подхватил эту болезнь. Ему везде и во всём мерещились люди – эти гомункулы, слепленные из грязи. Это была болезнь, «кукла» был болен, и я должна была присматривать за ним, но видимо из меня плохой надзиратель. В конце тысячелетия будет плановая калибровка луча, к этому времени эталон будет найден, я надеюсь. В последний раз его выловили в пространстве за несколько минут до взрыва. Это уже не первая из неудачных попыток «куклы» наделить грязь разумом. Предыдущий надсмотрщик насчитал их восемь и моих две, итого – десять раз его вытаскивали из небытия. Всё было хорошо, только дерьмо после него мне подчищать приходилось. Вот и сейчас, убежал, а ты ищи, куратор сказал, не найдёшь – следующей «куклой» будешь ты, и кто его знает, какие дефекты прилепятся к твоей генной памяти! Так что лепить людей – это ещё не самое страшное в мире космополитов.

Обидно, что меня поддержало всего три соплеменника, остальные ушли, посчитав мои попытки сделать из рабов цивилизованное общество – блажью и бессмыслицей, циклопы растворились в дебрях этой планеты точно так, как их кон-

куренты в войнах миров. Больше я их, в этом мире, не встречал. Сначала мы выбрали язык, потом стали обучать родившихся детей. Я не верил, такая удача случается раз в жизни, впервые мне в руки попало одно монолитное племя, доминирующее на всей планете и этим не имеющим собственной речи дикарям, выпал шанс возродить человечество. Обучение шло тяжело, были трудности с освоением, дикари даже сопротивлялись получению знаний. Но самой главной сложностью было то, что век человека короток, первоначально люди жили около шестьдесят лет, а то и меньше. Прошла смена трёх поколений, пока сформированное новое племя овладело языком. Время жестов, наскальных рисунков, похожих на каракули, с танцами возле костра ушло далеко в историю, мы смогли быстро и безболезненно пройти этот период. Нам спешить было некуда, мы не подгоняли время, только слегка корректировали. Всё равно, где-то на подсознательном уровне чувствовалась некоторая враждебность к нам со стороны людей. Мы не были похожи на них, да мы были учителями, мы дарили знания, но для них мы были чужими. Циклопы прямо говорили мне в лицо:

– Правильно бы было их оставить, дать развиваться самим, без подсказок и стимулирования, чтобы они прошли свой путь ошибок и разочарований, тем ценнее будет победа в выборе их правды.

Чтобы возродилось человечество, оно должно пройти свой путь. А мои хотения – всего лишь каприз. Это был не

первый случай, когда я пытался возродить мир людей и все они потерпели фиаско. Были неудачными, может быть из-за моего вмешательства. Я сдался на милость моих разумных товарищей, попросил их найти остальных, покинувших нас циклопов, и включил маяк. Я знал, что нас ищут, пообещав себе, что я вернусь на эту планету через пару тысяч лет, чтобы узнать на каком этапе оказался этот шахтный народ, потомки которого были рождены в свободном мире. Мы оставили людям речь, письменность и элементарные знания. Управляемая комета пришла через месяц, а ещё через два месяца мы были на базе. Я опять попал под опеку этой глупой Урии. Она, так и не смогла узнать, где я был и что делал. А я теперь знаю, как избавляться от её опеки, только бы не переборщить с дозой сонного напитка в амброзии. Она себя мнит сверхграмотным существом, а меня – самым глупым из циклопов, на подобии древнего деревенского дурачка из старых сказок, типа третьего царского сына. Ничего Урия, я тебе нужен, а не ты мне. Я уже был не рад, что согласился на применение моего генетического кода в эксперименте межзвёздных перемещений. Если бы я знал тогда, что снова встречу с таблицами неделимости, только на этой планете они были выложены в трактат, выполненный на незнакомом языке, в глубоком подземелье, куда не может проникнуть не то, что ветер, но и сам воздух. Циклопы нашли лаборатории древних цивилизаций, тогда и начали разработку луча транспондера, расшифровывая записи подземелья.

Мой генетический код оказался самым подходящим для изучения технологии древних цивилизаций, они смогли внести его, как эталон в книгу древних. Буквы трактата вспыхнули голубым светом, код был принят. Мне была гарантирована безопасность, при прохождении эксперимента, но что-то у наших учёных пошло не так, они сами не поняли где ошиблись. Эксперимент прошёл удачно и уже несколько тысячелетий используется для переноса различных масс, в том числе и циклопов, но я так и не научился доверять учёным, после того, как они изменили меня. Я перестал быть циклопом, я стал похож на урод, слепленного из глины и экскрементов, я потерял своё лицо, зато приобрёл большее – я могу творить, этим не может похвалиться не один циклоп. Мне бы подучиться, а то всё получается такое – самому противно. Мою горгону половина планеты циклопов ловила, и если вы где-то встречаете каменные изваяния, то знайте – это не мифологические скифские бабы, это мои благодарные соплеменники, окаменевшие от счастья. Поверите, это общение с Урией, не к каким хорошим мыслям привести не может, я как увижу её переувлажнённую физиономию, сразу что-то такое хочется создать, что не в одни рамки не вписывается, типа кусающегося писсуара или гибрида ложки с зубопротезными клещами. Эта Урия меня уже достала, я бы с удовольствием от неё избавился – раз и навсегда, но, к сожалению, не получится, технологии давно вперёд ушли, за пятнадцать минут её восстановят. Со смертью давно поконче-

но, сейчас циклопы существуют многоразового использования. Пока жить не надоест. Ещё никому не надоело. Наоборот, на рождаемость ограничения наложены. Хочешь детей, переселяйся на свободные планеты и строй свой мир, подвластный империи, на других условиях договор с вами никто заключать не будет. Любого циклопа восстановить могут, меня нет, мой код нарушен при эксперименте, как говорит генетик, что-то лишнее попало, но что – учёные определить не могут

Глава 9

– Обнаружено нарушение.

Это когда искали «куклу». Он ухитрился подменить код при транспортировке на планету X-восемь. – Этого не может быть, код подменить нельзя, транспондер не допустит этого, он забракуют любого циклопа, не соответствующего генетическому коду. – Но вы забываете, «кукла» не совсем циклоп – вашими стараниями. Генетик взвился, он не любил, когда кто-то напоминал ему об его ошибках. Он делал всё правильно, но древние перехитрили его, чего-то мы ещё не знали, даже не догадывались, применяя их изобретения. Луч транспондера оказался не совсем безопасной штукой, он изменил «куклу», дал ей такие способности, которые находятся за гранью разума. Наблюдать, ещё раз наблюдать, «кукла» должна находиться под постоянным надзором.

– Как так случилось, что ваш отдел упустил подопечного

– Я это и пытаюсь объяснить вам, шеф.

Солтис успокоился, наконец была проложена грань между начальником и подчинённым, дружба прекращается тогда, когда страдает работа и под угрозой оказывается проект исследований, а может быть и вся империя. Он посмотрел внимательно на собеседника:

– Этим могут воспользоваться наши враги?

– Исключено, карточка с генетическим кодом вернулась в отдел, проверена и уничтожена, на всякий случай.

Солтис улыбнулся:

– Могут работать, когда захотят.

Главный генетик верил в проект и любую шероховатость в отношении него, воспринимал, как личную обиду. Подчинённый знал это, но умолчать было ещё хуже, чем очутиться на одной из, отдалённой от столицы, диких планет, без уверенности в восстановлении. Солтису не терпелось закончить этот неприятный служебный разговор, он не хотел портить своё настроение на целый день. Этот мутант не хотел никак выбраться из его головы:

– Интересно, карточкой какого идиота он воспользовался, чтобы обойти запрет транспондера?

Подчинённый закашлялся. Солтис подождал, пока пройдёт приступ. Подчинённый уже выходил из помещения, вопрос генетика его догнал у выхода:

– Вашей, шеф.

Солтис схватился за то место, где по всем законам природы должно быть сердце и потерял сознание. Он очнулся

в кабине восстановителя, перед глазами менялись картины: пивной бар, какой – то урод-алкоголик, блеск рампы – богатство и нищета.

– Наверное, там, в баре, он и вытянул мой код.

Нашлось объяснение, да главный генетик и руководитель стратегического проекта считал, что он имеет право на обход системы и не проходя обычных для народа процедур, воспользоваться лучом по – своему усмотрению, чтобы переместиться в любую часть различных вселенных. Но как он догадался? И, вообще, что я здесь делаю? Последний вопрос он произнёс вслух перед собравшимися сотрудниками, он ещё не собирался омолаживать своё тело.

– Вы умерли, шеф.

Циклоп рассмеялся, ему понравилась шутка подчинённого. И только в конце работы, когда он рассматривал, листая память лабораторных регистраторов, итоги сегодняшнего дня, он понял, что это была не шутка. Он всматривался в результаты обследования врачей, перед глазами была пелена:

– Ох, уж, этот «кукла»!

На следующий день был прерван контракт с наблюдателем, Урию направили на край вселенной, туда, о чём мечтал её последний бойфренд – на остров мартышек. Бедная женщина, всегда считая себя светской львицей, очнулась на ветке дерева в окружении волосатых грязных вонючих самцов, которые не могли понять, как здесь появилось это на-

крашенное одноглазое чудовище. Вожак стаи чуть не подавился бананом. Над джунглями пронёсся крик ужаса: – А-а-а-а! Обезьяны кричали громче Урии. «Кукла», обрадовался непонятно чему, он последнее время отзывался на имя Витёк, которое к нему прилипло после смены его последнего тела. Он был похож то ли на якута, то ли на узбека, то ли на жителя какой другой планеты, но как всегда, отличался от гендерной расы циклопов. «Кукла», не любил столицу, он не считал её своей, он не родился в этих землях. Ему не нравилось здесь, он не переносил местный бомонд с их производными. Он ненавидел императора. У них это было обоюдное чувство. Когда на горизонте появлялся урод, похожий на бритую обезьяну, все члены императорской семьи старались покинуть столичный подиум, расположенный на Плаце империи. Витёк не мог пройти мимо них, чтобы не оставить подарок, в виде какой-нибудь неизлечимой пакости. Император, до сих пор прячет под чалмой рога, а его дочь кутает шею, никто не знает, что ей прицепил «кукла». Сам же «кукла» был неуязвим: в крематории каждый день сжигали его двойников – големов, по приказу императора запрещено было воспроизведение этого уroda, его взрывали, топили в кислоте, рубили на молекулы, травили всепланетными ядами, но каждое утро он делал пробежки вдоль дворца, через сенатскую площадь, с выходом на Пляц империи. «Кукла», был нагл и бесцеремонен, он мог нанести визит во дворец, минуя ничего не замечающую охрану, в тот момент, когда

императрица принимала душ или очередного понравившегося фаворита, в самый неудобный момент. Император не мог выдать свою единственную дочь замуж, и всё из-за этого эталона. Император давал отчёт, что с гибелью «куклы» недолго продержится империя, в которой всё было поставлено на технологии древних жителей, доступом к которым служит генетический код «куклы». Как приборы погибшей цивилизации, находящиеся совсем в другой галактике, определяют, что носитель кода жив? Никто не знает. Парадокс! Но пока жив «кукла», жива и империя. Его нужно было оберегать и охранять, как зеницу ока, а око у каждого нормального циклопа одно. Природа всегда была против излишеств. «Кукле» было неуютно и скучно в столице с её нескончаемыми церемониалами и этикетом, он старался обмануть систему и вырваться на простор – туда где жизнь бурлит, а не прячется в тени дворцов, выдавая свою похоть, за целомудрие истинных намерений. На рогах императора выросли колокольчики, предупреждающие любвеобильную супругу о его приближении. Могло быть и хуже.

– Нет ничего хуже «куклы» в вашем городе!

Император ненавидел эталон и ждал от сената решения, по своей отставке. Это был уже четвёртый император за последние две тысячи лет. История государства циклопов ещё не помнит времён, в которых так часто менялись императоры. Никто, так не радовался пропаже куклы, как члены императорской семьи. Сенат дал добро и со следующего дня

империей правил регент. У бывшего императора сразу отпали рога, а принцесса появилась на ежегодном выпускном балу военной академии, без перелины, скрывающей приобретённый девушкой недостаток. Никто никогда не узнает, что она прятала от посторонних глаз, выросшее на её шее. Хорошо хоть не на лбу, как пророчил, в гневе, этот урод. А Витёк не переживал, он давно забыл о своих разногласиях с членами бывшей императорской семьи и во снах корил себя за несдержанность. Его эмоции, как правило, оживали и осуществлялись, правда на недолго – на пару сотен лет, принося временные неудобства его случайным знакомым. А всё началось с того, что урода поймали сетями на императорской охоте, и ещё не зная его статуса, решили подшутить – повесить. Его бы восстановили, но всем было бы смешно и весело. Урод юмора не понял, вскоре под импровизированной перекладиной болталось всё окружение, вместе с императором, собаками и лошадьми. Урод сломал аппарат воспроизведения и под взглядом случайных прохожих уходил по лесной тропинке насвистывая незамысловатый лёгкий мотив из какой-то звёздной арии. Было не смешно. Совсем не смешно. Всех конечно воспроизвели, но у императора появились рога, а у его амазонки, его любимой и единокровной воительницы, которая единственная, из всех окружающих, кинулась на защиту отца – выросло это, на шее, прямо под носом. Это, наверное, и помогло ей не задохнуться и, в конце концов, вызвать помощь. Охрана прибыла слишком поздно,

пришлось всех списывать и восстанавливать заново. Император не верил, что всё позади:

– Урод, как он посмел? Да я...!

Потом потрогал рога, посмотрел на рыдающую дочь кра-савицу и успокоился. Он понял, что могло быть ещё хуже. Он невольно начал следить за судьбой этого мутанта: он то про-падал, то появлялся..., но рога оставались на месте. А ко-гда этот урод стал бегать под окнами императорского двор-ца, стало совсем невыносимо. Ну, всё: нет ничего, импера-торских привилегий так же. Дочь, аж вздохнула, одна жена недовольна, она вечно всем недовольна, хоть совсем не по-страдала во время охоты, к такой стерве ничего не липнет. Витёк, пробегая мимо, подморгнул, догадавшись о мыслях бывшего императора:

– Ты сам себе её повесил.

Мужик сделал вид, что это его не касается и он не узнал урода. Витьку уже надоел этот маршрут ежедневных пробе-жек, эти дворцовые стены, клоуны в ливреях, одноглазые ба-рышни в напудренных париках.

– Что-нибудь, когда-нибудь, здесь происходит? Или нет?

На следующий день он решил изменить свой оздорови-тельный маршрут и бегать вдоль набережной, надо было со-гнать лишний вес, чтобы не вносить корректировку в код транспондера. А ещё Витьку нравилось, что вместо, поряд-ком, надоевшей надзирательницы Урии, к нему прикрепили какого-то прыщавого толстенького недоростка, который ка-

тился за ним колобком, проклиная спортивные достижения подопечного. Витёк жалел молодое поколение, он мог бежать ещё быстрее. У «куклы» начал созревать план. Он опять решил бродяжничать по окраинам вселенной, там было веселее, только надо всё обдумать, чтобы это представилось, как будто не он это замыслил, а случилось против его воли, совершенно случайно. Может быть, его, даже кто-то украдёт. Когда никто не играет с тобой во дворе, нужно чтобы не ты бегал за очередью в песочницу, а песочница бегала за тобой. Надо всё хорошенечко продумать. А теперь, Витёк, барьер! Мой надсмотрщик сдох на пятом барьере.

– Витёк, пошли пиво пить.

– Какое пиво ребята, не видите, лишнюю воду выгоняю.

Надо фигуру в порядок привести, и «кукла» сделала пару кульбитов, с разворотом. У толстяка, который плёлся сзади, закружилась голова.

– Откуда взялись Драки? Какой флот? Откуда корабли? Вся планета тонула во взрывах все уничтожающей антиматерии. Планета была атакована, внезапно коварно, подло. Уже пало большинство городов. Армии не было, только несколько символических парадных гарнизонов, для встречи именитых гостей да рота почётного караула. Полиция давно упразднена, преступности среди циклопов давно нет. Нападение драков произошло в самый неприятный момент для империи: в отсутствие императора, регент ещё не освоился

с управлением и был период отпусков, половина командного состава отсутствовала, а половина не знала, что делать. Связи с армией не было, восстановители и транспондеры не работали, эталон исчез, даже калибровку проверить нечем, может это был сбой, никто не знал – была полная неразбериха. Всё управление планетой перебралось в подземные бункера, потребовалось два дня военным, чтобы навести, хоть малейший порядок и собрать хронически недостающую информацию. Поверхность столицы превратилась в сплошной пожар, все строения сметены гигантским огненным валом, так, наверное, было со всей планетой. Неприятель тупо вёл обстрел, окружив главную императорскую планету сплошным кольцом космических военных кораблей. Но это ещё было не всё, главная неприятность пришла из навигационного отдела управления транспондерами. Мы, то есть, наша планета находится не в своей системе координат. Мы лишены всего: поддержки армии, инопланетных и древних технологий, лишены даже молчаливого сочувствия. Непонятно, да? И регент, и члены правительства, высокопоставленные управляющие планетами империи, случайно оказавшиеся на главной планете, вместе с иностранными послами и легатами различных концессий – все хлопали глазами, пытаясь хоть что-нибудь понять. Объясняю ещё раз, для тупых. У пресс-секретаря на губах застыла пена, как у бешеного волка:

– Какая-то сволочь бросила нашу планету в самое логово врага, в галактику Драков, в самый её центр, разрушив пла-

нетное равновесие.

Через пару дней, одна из их ведущих планет этого мира столкнётся с нашей, и мы все, если не произойдёт чуда – погибнем, превратившись в фотоны зарождающейся новой звезды.

– Молитесь господу, в нашем распоряжении, от силы, срок восемь часов, может больше, может меньше, никто не знает.

Многие от такого известия попадали в обморок. Учёные создали свой круг, который впоследствии разбился на отдельные кучки. Бывший император смеялся, он, наверное, сошел с ума, хохотал в дико молчащем зале, и обращаясь к учёным:

– Поздно спорить, господу!

Наконец, он устал и свалился замертво. Не выдержало сердце. Толпа отхлынула от мертвеца, освободив массу территории конференц-зала.

– Вызовите кто-нибудь восстановителей, – кричала обезумевшая женщина.

Пока к ней не подошли и не сказали:

– Нет восстановителей. Нет. Ничего нет.

Юноша хотел добавить, что скоро и нас не будет, но видимо пожалел истеричку. Ситуация возникла критическая: обороняться нечем, некому и зачем, помочь себе мы ничем не можем, наше время строго ограничено. До Драков наконец дошло, что их бомбардировка бессмысленна, кораб-

ли ушли вместе с появлением края планеты, серпом, нависшим над бывшим городом. Война рисует свои картины – то, что было столицей империи циклопов, превратилось в однотонный серый ковёр, спрятавший город под стальным ворсом. Империи не было и столицы не было, по поверхности проехали утюгом, заполненным антивеществом. Планету выжгли участками, я вспомнил, как циклопы выкуривали драков из нашей галактики, применив оружие инопланетян, погибших от неизвестной вирусной инфекции. Мы считали оружие с применением антиматерии не гуманным, кощунственным, не природным. Мы были знакомы с его принципом действия, но не развивали и не применяли. Инопланетяне погибли, но оставили нам пылесос чёрной дыры. Включив его, можно было всё живое отправить в мир иной сразу, этот дьявольский миксер не разбирал: кто, есть кто, и всё выбрасывалось за пределы вселенной. Весь фарш, как губка, впитывался чёрными дырами, на стыках звёздных миров. Всё потом превращалось в чёрную энергию, которая изучению не поддавалась. Чёрного света нет в природе, но чёрная энергия существует. Империя, меньше, чем за месяц, освободила нашу вселенную от Драков. И вот. Это была судьба – месть за непримиримость к чужим физиологиям. Драки выращивали одноглазых животных, чем-то похожих на нас внешне, мы их считали каннибалами, хотя это было не так. Потом мы убрали их со своей вселенной. Животные драков сначала были модными на наших планетах, но их тупость была

ужаснее экзотики. Эти животные составляли угрозу всему, даже существованию самой империи, они были агрессивны и очень опасны, чем-то, по образу жизни напоминали земных обезьян. Циклопы вовремя избавились от своей привязанности, не представляю, как их могут терпеть Драки. Я не буду описывать чем занимался народ империи в подземельях. Но прошёл день, за ним другой, к концу недели мы решили направить разведку на поверхность. Произошло чудо: планета вернулась на своё место. С межгалактической платформы, повисшей большим зонтом в стратосфере над планетой, в нашу сторону летели десантные струги. Планета была похожа на яйцо, голая скорлупа, вся в ямах. Ужас.

– Когда мне сказали, что планета пропала, я не поверил, посчитал, что оператор перебрал в местном баре. Но когда посмотрел вниз..., я подумал, что нас унесло, незаметно, так. Проверил навигацию, всё было в порядке. Тогда я подумал, что испортилось навигационное оборудование, вызвал наладчиков. Наладчики прилетели с первым лучом, сказали, что всё у нас в порядке, иначе транспондер бы не работал. Какой в порядке? Планета пропала! Главная планета империи.

Начался аврал, меня провинциалы за дурака посчитали, а когда заглянули в телескопы и сверились с навигаторами, сами за голову схватились. Планеты не было, не было никакой связи со столицей, отказывались транспондеры прини-

мать грузы в этом направлении. На каналы связи с платформой невозможно было пробиться. Две природные луны летали над пустым местом, всё дальше и дальше отодвигаясь друг от друга, потеряв привычное притяжение планеты. Сепаратисты с окраин подняли голову, но не знали с кем вести войну и куда слать свои угрозы. Никто не знал, что делать. Торговля между планетами прекратилась. Всё остановилось, всё встало не с той ноги.

Глава 10

– Это не я. Честное слово, я не хотел этого, это мне приснилось..., а проснулся на корабле Драков, связанный просмоленной верёвкой, вместе со своим толстым преследователем.

Толстяк не спал, плакал. Давно, наверное, проснулся. Но он тоже ничего не помнил. Пришли Драки и разъединили цепь, между мной и этим толстым Ольгом. Я так и не понял, зачем связанных циклопов, ещё было сковывать цепью? Ольга забрали. Драки были такие ужасные, с их грязных бородатых лиц постоянно капал вонючий пот, а изо рта, свисала слюна до самого металлического пола космического корабля. Драки были голодными, я слышал, что они были каннибалами, и мысленно попросился с жирным, чересчур упитанным циклопом. Для Драков он выглядел, наверное, очень аппетитным. Бедный Ольг, проклял тот день, когда папа привёл мальчика за ручку, в офис, где ему предложили вакансию надзирателя за полоумным уродом. Ольга вкинули в пакгауз,

в котором держали нас эти твари, ближе к вечеру. По кровоподтёкам в области лица и под глазом, я понял, что его пытали и пытались допросить. Ольг очнулся. Так оно и было, только циклоп не мог понять их тарабарщину, речь Драков была из диалектов птичьего языка, и когда их предводитель сказал:

– Ку ка реку.

Двое охранников оттащили, потерявшего сознание, циклопа к его странному напарнику. У Драков создалось предвзятое мнение к мутантам, они до меня даже касаться боялись. Я это заметил. Я не знал, что подчинённые получили втык от командира корабля, за то, что притащили эту гадость с планеты (это он меня ввиду имел, урод), мне очень не нравилось, когда бьют по лицу вонючим унтом, находящимся на кривой, волосатой ноге, поэтому я всеми своими умениями пытался поддержать их непомерную брезгливость. Но, наверное, перестарался, не рассчитал воздействие, и вместо лёгкой, слегка зудящей сыпи, у командира корабля и всей команды, появились нестерпимые разрываемые мозг, от раздражения, тропические язвы по всему телу. Вместо птичьего языка корабль наполнился звериными стонами. Командир так обрабатывал своё тело, что постороннему показалось бы, что он без применения ножа, пытается снять с себя шкуру. Из последних сил, разбрасывая ошметки кожи с прилипшими волосами, командир приказал выкинуть нас, к чёртовой матери. Они просто раскрыли люк, и мы вывалились грудой

мусора на голову каких-то длинноволосых созданий с мордами цвета раздавленного апельсина.

– Японские макаки, – подумал я, перед тем, как потерять сознание.

Вскоре я пришёл в себя, корабль Драков висел над головой, всем своим видом издеваясь над нашей беспомощностью. Тогда я им пожелал Скрыра. Кто не знает, что это такое, лучше не спрашивайте. Но по пируэтам, которые стал вытворять этот корабль в околопланетном пространстве, я понял, что моё пожелание исполнилось и Скрыр достиг цели. Так мы оказались на планете обезьян – любимом месте для охоты, у местного олигархата, на планете мартышек (я, видимо ошибся с определением вида обезьян), это была граница империи драков. С недавних времён эта планета, и стала местом нашей ссылки. Когда мы столкнулись с этими дикими аборигенами поближе, честное слово, мне тоже захотелось закукарекать, но я сдержался – неправильно поймут! Эта шушера ухитрилась спереть, утащить, изорвать всю нашу одежду. Толстяка, то и дело, хватали то за уши, то за волосы. Проснулся я от того, что кто-то гладит меня по голове и говорит так нежно и ласково:

– Уродик! Проснись.

Нет, мои глаза меня не обманули, клянусь своей лысиной, на ветке рядом со мной сидела женщина, совершенно голая. Я ущипнул себя за ягодицу, но промазал, щипок показался мне ещё больней – это была не галлюцинация, не

сон и не плод сексуальных фантазий, это действительно была голая женщина, когда она повернулась медленно, плавно, не сбивая утреннюю росу с пружинящего от движения, бюста, разворачивая слегка пленительные чресла, я увидел её единственный красивый глаз, обрамлённый целой вереницей сверкающих на свете взошедшей звезды, ресниц. Во взгляде этой чарующей незнакомки можно было утонуть. Сердце выбивало уже не дробь, а прямую линию, закрученную в узел, которая не могла угнаться за зигзагами моих мыслей, Рядом, кто-то осторожно закашлялся, напоминая о своём присутствии, я совсем потерялся во времени и в пространстве, забыл и про толстяка, и про то, где мы находимся и как здесь очутились. Толстяк стоял под веткой и перебирался с ноги на ногу. Он был голый, смог закрыться какими-то крупными листьями, соорудив вокруг талии, что-то, наподобие набедренной повязки. Когда я повернулся:

– Чтоб я сдох! Передо мной сидела Урия.

Я, впервые на этой планете, обратил внимание на свой внешний вид. Не удивительно, я был таким, как все, если не считать шляпы, которая сохранилась благодаря тому, что в неё кто-то нагадил из местной фауны. Урия оценила наряд Ольга, он из нас троих выглядел более цивилизованным, в крайнем случае был одет и не высвечивал своими достопримечательностями. Урия – хитрая бестия, промолчала, что случается с теми, кто коснулся священных пальмовых листьев для обезьян, каждая самка старается украсить ими се-

бя в момент течки, чтобы привлечь самца. Мы вышагивали гордо, презрев бесстыдство, по звериной тропе в пещеру, которую Урия приготовила под жильё. Какое же моё удивление было, когда самцы обезьян, через месяц нашли моё убежище, в пещере, и жестами, мимикой просили, чтобы я их не выдавал. Они тоже прятались от толстой ненасытной одноглазой самки, вышедшей на охоту. Только в этом, забытом всеми месте, в окружении диких животных, я понял, почему циклопы так быстро отказались от своих бывших любимых домашних питомцев. Эмоции переполняли нас с Урией, особо, когда появлялся злой Ольг, после своих ночных походов. Любвеобильному циклопу не нравилась излишняя волосатость обезьян, и соблазнив очередную жертву и насытив свою плоть, Ольг переключался на наведение эстетического порядка с образом своего любимого, имеющего в своём племени статус вожака. Эпиляция производилась без наличия основных косметических и медицинских средств – не было ножниц и элементарного наркоза. Ольг вышел из положения и всегда имел под рукой огромную дубинку. И когда расслабленный, обессиленный от любви самец, ничего не ожидая, закрывал в полу истоме глаза ... начинался процесс. И бедная макака приходила в себя совершенно голая, с выщипанными бровями и волосами на всём теле, и с маникюром и педикюром на конечностях, и всё это сопровождалось непрерывной головной болью, от неё сбегало не только её стая, а весь этот мир, как молоко на перегретую печ-

ку, распространяя, совсем не свойственный макакам запах. Я спросил, как Ольг добивается такого удивительного стойкого цвета накрашенных ногтей. Они были все удивительно тёмно-синего цвета, с переливами. Циклоп показал маникюрный прибор собственного изготовления, похожий на маленький молоток кузнеца, кувалда называется. Садист! А я ещё думал, почему такая походка странная у этих новоявленных красавцев, все виляют филейной частью, думал модно так, а оно – вон что! До появления Ольга, на этой планете был относительный мир. Не считая охоты Драков, которая большей частью проходила с употреблением алкогольных и горячительных напитков, мы с Ольгом об этом не знали, а Урия никогда до конца не раскрывала секретов, и не делилась приобретённым опытом. Общество с наличием: стервы, уroda и косметолога, украсило бы любую охоту разнообразием своих незапланированных приключений, правда об этом ещё не догадывались Драки. Первая охота с нашим участием, началась в середине недели, в том месте, где усиленному старанию Ольга не осталось ни одной стаи обезьян, которых лысые самцы пытались догнать на просторах бесциклопных окраин. Никогда не думал, что любовь вытворяет такие чудовищные вещи, Ольг озверел, с ним невозможно было общаться, он кидался, сначала на стены пещеры, потом на окружающих, и всё это от недостатка внимания. Сегодня Ольг был добр и улыбчив, как никогда, так мы и узнали о появлении Драков.

– Охота началась! – сделала заявление Урия.

По её словам, мы должны спрятаться и не высовывать из пещеры носа, если не хотим попасть на болт арбалета. Я так и сделал, обратив внимание что по ночам оба моих спутника пропадают. Видимо, их эти арбалетные болты, не сильно пугали. Вскоре корабли Драков стали спешно покидать планету, а Урию и Ольгу я застал сцепившимися и царапающими друг в друга. Подруги что-то не поделили и старались добраться руками до лица, и выцарапать единственный глаз. Это уже было серьёзно, реаниматора рядом не было. Я вылез из убежища и бросился разнимать драчунов.

– Ты представляешь! Это, не знаю, что, (Урия произнесла более короткое и ёмкое слово, но я по правилам этики изменил его на целое словосочетание) она..., она побрила всех мужиков, наградив идиотскими косметическими излишествами. А моему Додику это (помолчим) ещё нарисовала тени и сделала прижигание гениталии.

– Неправда! Её Додик сопротивлялся, и не хотел проходить очищение огнём и расставаться со своим подкожным зоопарком.

Я не стал разбираться кто такой Додик, но вечером случайно познакомился с Драком, который избежал экзекуции, и одно время работал в посольстве на нашей планете. Он, и рассказал мне, что в действительности произошло во время плановой очередной охоты. – Как только открылся сезон, мои друзья из МИДа пригласили меня в вояж. Среди

Драков охота не так популярна, тем более, лететь было далеко, но мне нравилась сама атмосфера, здесь собирались Драки моего круга, фактически мои друзья. Можно было отдохнуть и телом, и душой. Нас было около десяти кораблей, заполненных единомышленниками со всех уголков вселенной. Мы собирались два раза в год, именно охота нас и могла собрать. Далеко от столицы, от просторов родных планет решалась политика и в действие входили те механизмы, которые выбирали вектор развития империи на десятилетия. Здесь, на диких землях, подконтрольных нашему правительству, собирался достойный народ, способный решить многие вопросы. Мы разбили шатёр, и слегка перекусили. Этот, блин, лёгкий перекус, и позволил нашему страждущему товарищу беспрепятственно попасть в лагерь Драков. Моему собеседнику повезло, он нажрался (переусердствовал в принятии спиртного) и закатился под стол, Олыг, просто, его не нашёл.

– А остальным, можно считать не повезло.

Я лично грузил их в санитарные корабли. Такого ужаса, никто не ожидал от обезьян, кошмар! Боюсь, это выйдет на правительственный уровень. Никто обезьян уничтожать не собирается, но планету, видимо закроют для посещения, повысив уровень её опасности до максимального. Не смотря на моё внешнее несоответствие циклопам, драк понимал с кем разговаривал и был вполне вменяем.

– А не совсем это сурово? – спросил я, место то хорошее,

никто из ваших не погиб, пару недель в больничной койке и опять за арбалет. Драк надулся:

– Если у вас циклопов принято, чтобы обезьяны обижали ваших сенаторов, выщипывая волосы и поджигая всё, что находится ниже ушей, то мы этого не потерпим.

Я задал ещё один интересующий меня вопрос:

– А Додик, это кто?

Додик оказался не сенатором, а мелким служащим из штата премьер-министра, которого многие терпеть не могли за его плоский юмор. А эта стерва была от него без ума! Вот так, из-за какого-то извращенца, мы чуть не остались навсегда на этой планете, без вариантов спасения. Не смотря на некоторые противоречия в политике, и неприязни, граничащей с расовой нетерпимостью друг к другу, мне удалось договориться с нашим врагом, и он предложил вариант, как мы можем покинуть эту планету, на которой оказались по воле случая. Просто сон мне не тот приснился, а может я встал не с той ноги? Урия так и не могла простить Ольга, они всегда конкурировали между собой – и по жизни, и по работе. Когда я Драку показал тайком своих соплеменников, чтобы лишить его сомнения, что я с планеты циклопов, у Драка встали дыбом волосы:

– Как ты ладишь с этими стервами? Мои земляки поймали макаку и издевались над бедным животным, по полной программе.

– Да вот так и лажу.

Драк пообещал помочь, немного скорректировав наш совместный план, только, чтобы я ничего не говорил этим ... Драк коротко назвал моих друзей, отобразив их природную суть. Но я промолчал, не стал защищать соплеменников. Наверное, это случилось первый раз в жизни, когда враги пошли на компромисс, помогая друг другу и оставались обоюдно довольными: одни попадали на родину, не совсем честным путём, другие оставались дома и радовались избавлению от этой заразы, грозящей катастрофой для всей вселенной. Корабль вывел нас на орбиту космических комет циклопов. Драк не обманул, по тайным каналам передал сообщение в наш мир, с координатами корабля. Это, наверное, и был один из шагов, к примирению наших рас. Отец Ольга ставил всё управление на уши:

– Я к вам привёл сына, вы давали гарантию безопасности его работы, а вы кого мне вернули? Вернее, что?

Я не дослушал, выскочил на улицу, аналитический отдел ещё не полностью был восстановлен, не было, необходимых приборов и инспектор поверил на слово, пообещав к концу месяца восстановить карточку с моим генетическим кодом. Урию, кто-то, отправил с планеты, и подальше, не знаю, но кого-то она достала больше, чем меня, хотя с этой мегерой мы расстались друзьями, между нами даже возникла симпатия, я часто вспоминал тот момент, когда я чуть не утонул в её взгляде. Может было бы всё иначе, и не было никакого Додика? Выйдя за пределы космодрома, на котором временно

гнездились все службы, я не узнал города, вернее того, чего не было. Это был сплошной палаточный городок, встретил одного из своих знакомых, который, ещё, по старинке, называл меня Романовым. От него я и узнал все столичные новости. Старый император, то ли погиб, то ли сам умер, его код бесследно утерян. Регент сошёл с ума, после него поменялось ещё два регента. Сейчас власть, символически находится в руках регента, а фактически, империей управляет совет МЧС, они даже армию империи переподчинили. Партия «Несогласных» взяла большинство голосов на выборах. Грядут большие времена, Урус! Нам посчастливилось быть последними гражданами империи. Была ещё одна новость – не существенная, Циклопы и Драки обменялись послами. Переговоры были долгими и изнурительными, прошли на планете обезьян. Да, рановато я Ольга оттуда забрал, на некоторых наших сенаторов я бы, с удовольствием посмотрел бы, после посещения маникюрного кабинета непревзойдённого мастера. Но, как бы то не шло, в истории этого не отобразится, а жаль: ведь в становлении дружбы с Драками, и мы сыграли какую-то роль?

– Вы послушайте, что говорит этот идиот! О каком противостоянии может идти речь? О какой войне до победного конца? Когда у них такие технологии, что они целые планеты перемещают, не пожалели для эксперимента даже столицы. А мы, как стадо дикарей, лишённое пастуха...

Правильно сказал Лидер, вернувшийся из отпуска. С цик-

лопами воевать нельзя, конгрессмен зачитал показания одного из свидетелей, в которых подробно описано, как инвалид-циклоп, с двумя женщинами обезоружил больше пятидесяти подготовленных Драков. Подробности из доклада, конгрессмен опустил, заменив на видео регистрацию погрузки потерпевших. Картина была удручающая, особенно руки и ноги, не считая обезображенного голого туловища. Никто толком не знал, что случилось на одной из экзотических планет, но все бывшие сенаторы, без объяснения подали в отставку, и в дальнейшем избегали встречаться друг с другом. СМИ передало информацию. Весь космос следил за переговорами на маленькой планете обезьян. Наконец, по всем телетайпам вселенной пробежало быстрой строкой: Драки и циклопы заключили мир и обменялись послами. Ура! Мир! Весь космос вздохнул с облегчением. Я подумал, а не слишком ли мы пренебрежительно относимся к циклопам не похожим на нас, не слишком ли мы оскорбляем тех существ, которые в силу своей физиологии, от нас отличаются. Ведь, если бы не было Ольга с Урией, может быть и мира никакого не было? Может быть такие, как Олыг и нужны, чтобы ставить зарвавшихся управителей на место, может их простой способ является более действенным, чтобы у любого появилась совесть, и он осознал своё истинное место в космосе? Не знаю. Но мир – это всегда хорошо, особенно это доходит тогда, когда идёшь по совершенно разрушенному городу и не знаешь, где будешь ночевать.

Глава 11

Я, впервые, за долгое время, остался без надзора. Может это неплохо, когда всё ломается, рушится, летит кувырком. Тогда система начинает давать сбой, как стрелки на часах. Часы остались и слышно, как они идут, а стрелок нет, и никто не знает какая минута, какой час, год, столетие... , я ходил по пустому городу, среди зазывающих палаток: все услуги – напоить, накормить, померить давление, нагрузить тебя материальной помощью. Рядом возводились временные дома для пострадавших жителей столицы. Впервые, никто не спрашивал карточку с генетическим кодом и меня, с моим непривычным обликом принимали за иностранца. Я пытался заводить знакомых, наводить справки задавать вопросы, но циклопы плохо шли на контакт, слишком много было чужих, не жителей этого города, даже не жителей этой планеты. Чужие не были столь тоталитарны к непохожим на себя, как истинные жители столицы. Во всех, имеющих два глаза, рыбий хвост или другое визуальное отличие, они видели врагов, шпионов и диверсантов. Как я не доказывал, что я циклоп и житель столицы, но без карточки генетического кода, я был хуже врага, потому что маскировался. Честное слово, поймите меня правильно, я не защищаю таких людей, как Олыг, их поведение аморально, это отклонение в психике, какой-то сбой, может быть их надо лечить. Но в тот момент, когда эти грубые солдаты, прибывшие с окраин, хватали нас и бросали в трюмы космических кораблей, я бы хо-

тел, чтобы целый батальон Ольгов встал на нашу защиту. Не знаю, как я воздержался от того, чтобы не послать Скрыра в сторону своих земляков.

– Не обижайся, кто-то из совета решил избавиться ото всех уродов, собравшихся в столице.

Бедным существам, чувствующим своё несовершенство, часто было отказано в элементарном – в помощи по инвалидности. Скажите, кто пойдёт обедать в кафе, если у официантки рыбий хвост. Самт продавал продукт, похожий на земное мороженное, пока кто-то не усмотрел у него присоски, как у спрута. Мелочь, но это Самту стоило работы. Без рекомендации его никто не брал, пособие по безработице кончилось, медицинская комиссия признала мутанта работоспособным. Самта ещё обвинили за то, что он не пользовался на бывшей работе обеззараживающими перчатками, и мог занести инфекцию. Никто не знает, опасна ли его мутация, или нет. Самт промолчал, что он, с некоторых пор, в воде себя чувствует уверенней и гораздо лучше, чем на поверхности. Это был его секрет, иначе бы, вместо столицы он попал бы на планеты, состоящие из сплошного океана, а ему этого не хотелось. Самт был первым, с кем я познакомился в вынужденном заключении, он не скрывал, что приехал в столицу, как аферист, воспользовавшись чужим генетическим кодом, чтобы осуществить свою мечту – закрепиться на новом месте, он готов был работать кем угодно, но облом... его слишком быстро вычислили, он всего два раза сумел воспользо-

ваться карточкой. Самт сваял дурака, в столице, не у кого, из оставшихся в живых не было карточек.

– Ты мог спокойно есть бесплатно, тебя бы накормили в любой палатке, а с карточкой, СНУРЫ сразу взяли тебя на контроль.

Не знаю, кто службу безопасности империи назвал СНУ-Рами, и что означает эта аббревиатура, но свою пищу они ели не зря. Вскоре корабль набился. Честно, когда идёшь по городу не замечаешь уродства встречающих прохожих, и только здесь, на корабле, всматриваясь в существо, которое доказывало, что оно является стопроцентным циклопом, только через время ты начинаешь понимать, что это не так, ещё не знаешь, а догадываешься, что СНУРЫ правы. Возле меня и Самта, была Леура – та самая бывшая официантка с рыбьим хвостом, юрист Парс, на инвалидной коляске, вместо ступней у него было по голове крокодила в намордниках. Каждая голова пыталась избавиться от искусственного препятствия, обе головы действовали автономно от головного мозга своего сюзерена, и любили пугать окружающих скрежетом своих острых зубов. Между собой крокодильи головы жили дружно. Юрист, так и не признался, что его принесло в столицу. Он из нас был единственным из работающих, и мы все надеялись, что это недоразумение закончится и юриста, наконец, выпустят. Потом к нам присоединился стопроцентный циклоп, и только вблизи я понял, что у него, что-то не в порядке со зрением. Я отображался в его глазу, как тысяча разнооб-

разных проекций, в различных ракурсах. В одной из них я даже видел свой скелет с работой всех моих органов. Странный, неприятный тип. Корабль пошёл на взлёт, видимо народа больше не будет, включились имитаторы силы притяжения, и я заснул, от усталости, накопленной за последние часы. Проснулся, когда ретрансляторы сообщили о приземлении, открылся входной люк и нас, как штоком стали выталкивать из корабля. Ретранслятор опять заскрипел:

– Добро пожаловать на планету уродов, база прокаженных находится в двух часах ходьбы от места приземления, температура воздуха плюс тридцать один градус, скорость ветра...

Никто с нами не стал разбираться всех выкинули в этот императорский лепрозорий. Планета уродов находилась в спальном месте галактики, в подчинении империи циклопов и являлась именно той точкой отсчёта жизненного пространства, в которую не хотел попасть ни один здравомыслящий гражданин империи. После того, как корабль избавился от балласта условных циклопов и взлетел над поверхностью, все наши надежды рухнули. Мы поняли, что с нами никто не будет разбираться, проверять по документам, что мы существуем, мы реальные, мы – граждане империи. Нас бросили, нас кинули, нас привезли на убой. О планете уродов ходили такие нехорошие слухи. На площадке начался вой, около сотни прибывших исполнили песню пещерного волка, привлекая внимание местных пожирателей падали. Место было не пустынным, но этих животных, похожих на гигантских

ящериц, иначе, как варанами назвать я не могу, что только драконами Комодо? Вой моментально прекратился, а сосед снял намордники со своих крокодилов, какая не есть, а всё же защита. Стопроцентного циклопа я мысленно назвал тараканом, хоть его глаз выдавал в нём, что это насекомое к нам прибыло с планеты хищников, именно, из-за таких, мы оказались здесь. Это насекомое имело тысячи глаз, спрятанных в муляже глаза циклопа. Таракан так и не представился, он продолжал отрабатывать свою программу, жалуясь на превратности судьбы, и совершенно не понимал опасности нашего положения. Раскрылся он только тогда, когда один из нерешительных варанов захотел отщипнуть кусочек аппетитной тараканьей плоти. Он, наверное, и выбрал таракана из-за похожести, вараны тоже, с трудом, могли отличить настоящего циклопа от тех уродов, которые сюда сегодня прибыли. Из таракана вылетела голубая молния и варан застыл, от него исходил характерный запах пережаренного шашлыка. Варан ещё не понял, но уже был мёртв. Следующим в бой вступил колясочник, его крокодилы рвали варанов, как старые, сданные в утиль, матрасы. Пожиратели падали не выдержали такой коллективной наглости и побежали. Это была наша первая победа. Женщина с хвостом рыбы кинулась зацеловывать таракана, который так и не понял, что от него хотел этот чешуйчатый из местных, а остальные кинулись качать инвалида, едва он успел одеть намордники на своё уродство. И тогда я понял, что мы победим, несмотря ни на

что, ни на какие козни императорских властей. На удивление, мы оказались на острове, такой, своеобразный островок, размерами с материк. Интересно, какая тогда сама планета? Мы из принципа, не пошли в зону прокажённых, хотя, вряд бы, при таком соседстве – в ней кто-то бы жил, мне кажется, что кроме самой проказы, там ничего не осталось. Насчёт еды мы не переживали, земля здесь богата, есть и еда, есть и вода и ни одной рожи политика или управленца. Рай! Первый лагерь мы построили быстро и наспех, лишь бы голову прикрыть, эти динозавры ящер подобные в наши дебри больше не совались, а любопытная мелочь из местной фауны, бродила по лагерю и путалась под ногами. Зверьё было абсолютно не пуганным, оно, наверное, было единственным, кого не пугало наше уродство. Мы старались не замечать их, а оно не трогало нас. Этот принцип касался всех, имеющих отношение к циклопам, но не таракана. Ему мама никогда не позволяла иметь домашних животных, наверное. Он, посреди импровизированного лагеря, устроил цирк, играя с присутствующим зверьём. Животные его не боялись, признали своим, видно сердце было добрым у этого стопроцентного шпиона. Правда программа его уже всех заколебала, мы так и не смогли объяснить таракану, чтобы сменил пластинку. Потом молодёжь начала прикалываться, подходят к нему и спрашивают:

- Кто самый тупой в космосе?
- Я стопроцентный циклоп.

Этого было достаточно, чтобы настроение поднялось у всех обитателей базы, а таракан не поймёт, чему все так радуются. Больше всех можно было не позавидовать юристу. У Парса было сложнее: его крокодилы не относились с дружелюбием к местному зверью, и животные сторонились непонятную особь, хотя Парс всегда наблюдал за намордниками. Физиология мутанта была перевернута, рот у него существовал лишь для того, чтобы говорить, значит были и лёгкие, вроде всё, как у циклопа и родился парень, как положено – в срок, только желудок у него был там, где у нас находится совсем другое место и кушали за Парса крокодилы, про другие особенности организма, я постеснялся спрашивать у юриста. Кроме той публики, что у меня всегда была под рукой, и кто во мне, с самого первого дня признал негласного лидера, были ещё интересные особи с разными степенями уродства, если не брать тех, у кого, что-то отросло по ошибке, в глаза бросался циклоп-верблюд, только желудков и горбов у этого мутанта было побольше, чем у мирного животного. Циклоп-верблюд был всеяден, ел круглый день, даже по ночам, что-то отрывивал и жевал. Он признался честно, сначала всё село его не смогло прокормить и сдали принудительно в зоопарк, потом злой директор его в клетку Синтуниорского льва засунул. Но..., лев оказался не вкусным, верблюд сжевал его, вместе с костями. Зоопарк признал себя банкротом, распродав оставшихся зверей, ещё не слопанных верблюдом по дешевке, а сам виновник банкета был отдан

в руки блюстителей порядка при имперском правительстве. Не знаю, может быть, где-то, там, где есть электростанции, которые работают на газе, добываемом из экологически чистых биологических отходов, этому бы феномену цены бы не было, а так, он ушёл по программе, как и мы. Ещё было пара жирафов, незаменимые строители, было семейство парнокопытных, им правительство запретило плодиться, но эти анархисты положили на все запреты на секс. Целый табун оказался с нами. Забавные такие, циклопята получились. Особо жалко мне было двух девушек, но природа не выбирает, смешивая красоту с уродством по своему усмотрению. Одна из девушек была постарше, но я сначала расскажу о другой, о той, что моложе. Ей на вид было лет тринадцати, ещё не созревший ребёнок переходного возраста. Девочка красивая, лишённая родительской ласки и опеки, душой тянулась ко всем, зачастую натываясь на иглы непонимания, раздражения и озлобленности. Всё у неё было нормально, если бы не крылья. Крылья бабочки лишили ребёнка нормальной жизни. Может быть где-то её приняли за ангела, и она гордилась бы своим отличием, но здесь – в нашем мире, этот ангел был уродом. Девочка сначала не понимала, почему родители отказались от неё, она терпела боль и ломала, ещё хрупкие крылья, а сейчас..., и ломать ничего не нужно. Девочка так и не научилась летать, она не знает – умеет это или нет. Нам было жалко ребёнка, который тянул свои ручки к добру, и мы всячески поддерживали её. Вторая

– была красавица, наша ослепительная Вия, по пояс она была циклоп, а остальное всё было накинуто накидкой. Умная талантливая обворожительная! У меня не хватит эпитетов, чтобы описать достоинства этой девушки. И только в походе, накидка снималась и перед нами появлялось существо из древних греческих мифов – Ехидна, полуциклоп, полужмея. У девушки, привыкшей к восторженным комплиментам её красоте, при своём полном появлении даже лицо менялось, она ненавидела продолжение своего тела, знающие её говорили, что, Вия родилась в нормальной семье, с любящими родителями, которые дважды восстанавливали, покончившего самоубийством, ребёнка. У меня было желание. Найти такое место в космосе, где врачи смогли бы исправить этот сарказм природы и разделить существ, заключённых в каждом из уродов. Мне кажется, что в самом начале человечества на Земле, кто-то специально направил уродов на планету из которых и появились сами люди, перемешавшиеся между собой и животными. Последнее время я стал разговаривать вслух сам с собой. – Ты и создал эту Землю, урод, вместе с её горгонами и Гераклами, придумал всякую всячину, а мне убирай за ним. Голос раздался из густых кустов, честное пионерское, я его где-то слышал.

– Урия! Сто лет тебя не видел. А, я думаю, куда запропастилась наша лесная красавица? Ты решила на планете уродов отдохнуть, или как? Вы здесь, наверное, тайком с Ольгом уединились?

Урия бросила в меня камень, и я схватился за глаз. Цел, слава богу, но синяк будет, это взамен за моё издевательство. Урус, или как тебя сейчас называть, я, от всей души, довольна твоему появлению, на всём острове – не души, кроме этих пугливых драконов, а в море – лучше не заглядывать. Там такой ужас, не то, что ты привёл за собой. Когда ты, Урус, уже успокоишься, такого дерьма на придумывал. Я опешил:

– Во-первых, этот раз, не я танцую, а меня – по программе заселения диких земель. Не честно так!

Я рассчитывал на то, что земли дикие, не топтаная планета значит, а тут, оказывается был лепрозорий, и Урия нарушила всю девственность бытия. Этот раз от камня я увернулся, и наконец, мы обнялись. Не верите, я действительно соскучился за подругой, сколько веков вместе, она мне почти, как жена. А тут вместо неё мне этого подкинули, как его. Ольга. Урия потащила меня и всю стаю за собой – к морю.

– Только предупреди своих, чтобы не подходили близко к воде, не пугали обитателей, особо по вечерам, когда Клоа выходит на охоту.

– Клоа – это кто?

Урия махнула рукой:

– Тяжело объяснить, сам услышишь.

Я предупредил своих, зная, что подруга не многословна, лишнюю информацию из неё клещами не вытащишь. Особо предупредил парнокопытных, чтобы провели инструктаж среди детишек. И вовремя, папа парнокопытных бегал с пуч-

ком розог, чтобы инструктаж дошёл оперативно и максимально в полном объёме. Но как мы не старались, видно своим таборным шумом мы привлекли его. И в первый же вечер, над морем раздался невыносимый клич:

– Клоа, клоа.

А через время опять:

– Клоа!

Протяжно, как будто, призывая подойти к краю берега. Урия заткнула уши. Даже здесь она раскрылась не полностью, и Клоа засвистел. Не знаю в каких диапазонах издавался этот звук, но мы все оглохли на полчаса. У чувствительных к звукам жирафов, из ушей лилась кровь, и они безнадёжно мотали головами, их руки были коротки и не доставали, даже при выгнутой шее. Для принятия пищи, они пользовались специальными приспособлениями, но то, что у обыкновенных циклопов принято считать вилок или ложкой, у жирафов больше походило на весло. Как только Клоа стал проявлять свои признаки появления, мы все попрятались, сработало чувство самосохранения. Но, только звуки утихли, один из маленьких козчиков выскочил на берег из-за густого укрытия кустарника, как бы специально провоцируя это морское чудовище. Клоа, гад, подкрался, мы даже не заметили, и сделал попытку атаки, но, слава всем святым, не дотянулся до малыша. Честное слово, в этой сплошной сельве, в считанные секунды, без помощи дровосеков, образовалась широкая просека, с пару километров глубиной. Я толь-

ко раз оглянулся: земной кит, против этого Клоа, был ребёнком лилипутиком, а ещё у Клоа, спереди, были щупальца, как у гигантского спрута, и если бы не эти отличия и хорошо сбалансированный рыбий хвост с плавниками, то наш бы морской собрат, был бы похож на миролюбивого земного краба. Я думаю, что именно из-за подобных существ планета и получила своё нелицеприятное название, а не из-за того, что кто-то решил очистить нацию от непохожих. Клоа уполз назад в море, и сколько не просила Урия, чтобы лагерь строили возле её убежища, никто не согласился. Мне, откровенно, даже в гости к женщине, расхотелось идти. Загорать на берегу никто не захотел, а козлики играли в своих «индейцев» только подальше от воды.

Глава 12

В лесах, видимо, подчистили всё до нас, не было таких страшилищ, как этот морской Клоа, кроме нескольких (трусливых, как их называла Урия) драконов. Я никогда не увлекался зоологией, эти драконы могли быть ящерами, могли быть динозаврами, как хочешь назови, но они убегали от нашего инвалида-колясочника, им не нравилась его обувь. Парадокс, а крокодилам динозавры очень понравились, особенно их филейные части. Вот такое вот несовпадение вкусов. Таракан приуныл, уже не приставал ко всем со своими объяснениями, что-то с его внедрением и ассимиляцией произошло не так, он стал уединяться и игнорировать наше общество. Это было странно. Последнее время он вел себя совер-

шенно не адекватно, гулял часами по берегу моря, не реагируя на наши предупреждения. Я пытался спросить, узнать, что с ним, но он отвечал:

– Я стопроцентный циклоп..., пока нас всех не вызвала Урия.

Потом женщины вытолкали всех мужчин. Наш стопроцентный циклоп оказался тараканихой, такой вот шпионской радисткой Кэт. Это было пол беды, она скинула свой муляж во время родов, под её природным хитином было существо, соответствующее названию планеты. Отдать должное её виду, не знаю из каких мест она прибыла в империю, но только её и её детей боялся этот Клоа, он бедолага еле отошёл после электроудочки, на которую чуть не поймала его тараканиха, защищая своё потомство. Специалисты посочувствовали крабу, говорят, что после электрошока у него потомства никогда не будет. Не смейся, ну не везёт мне на друзей:

– Один яйца поджигал, другая молниями швыряется.

Тот, кто видел тараканиху в гневе, два дня от паралича отойти не мог. Зато, когда они на берегу, у нас в море, самая безопасная зона, хоть соревнования по плаванию устраивай. Циклоп-рыба, вообще из воды не вылезала, а бабочка – расцвела, отпустила крылья, они такими красивыми получились с рисунками, с переливами. Летать ещё не умела, но пыталась, иногда тёплый прибрежный ветер поднимал её в воздух, как воздушный змей, а потом бросал с размаху, в

воду. Она смеясь выплывала. Даже Вия перестала стесняться, а что поделаешь, если все мы такие. Урия, после принятия родов, сошлась с тараканихой, лучшими подружками стали. Она и начала обучать её циклопъему языку. Кое какие слова были тяжелы для произношения, Урия заменила их мимикой, специальными знаками. За их диалогом было интересно наблюдать, казалось, что это инопланетное чудовище пытается напасть на невинную одноглазую девушку. Я не вёл учёт времени, смирившись с мыслью, что мы здесь надолго, навсегда. Не знаю, наверное, никто из моих друзей не вёл хронологию. Этот остров, на этой планете устраивал нас всех. Мы уроды – наше место на планете уродов, на острове с бывшим лепрозорием, с морем, в котором плавают прелестный Клоа. Устраивало всех, кроме двоих существ. Одно уже свободно болтало на циклопьем языке, и не смотря на обремененье многочисленным потомством, стремилась в свет, в столицу. Вторая, постоянно вспоминала какого-то Додика. У меня сложилось правильное впечатление, что её на этот остров отправили по существу, не в наказание. Наказание было жить с такой уродкой рядом. Урия так не считала. Она говорила, что каждому бог дал свою пару. Жаль, что Додик был женат. Но, ничего, я найду ещё своё счастье и не собираюсь с вами уродами проводить своё драгоценное время, до окончания веков. Я её поправил – тысячелетий, и снова, чуть не заработал булыжника. Урию тоже тянуло в столицу, где ещё можно было найти своего Распутина, как не в сто-

лице. Все нормальные мужики собираются в столице, а не нормальные – на планете уродов. Это она меня подколоть решила. Я не любил с ней общаться, выходишь с диалога, оплётанный весь. Вот её подруга, хоть уродина несусветная, смесь таракана с пауком, но милейшее существо. Самт успокаивал:

– Не обращай внимания, у женщин это от половой неудовлетворённости. Вот выйдет замуж и всё встанет на свои места.

– Да, кто ж её такую замуж возьмёт?

Урия никогда не говорила, кто в верхах так суров к ней, что швыряет с места на место, то на планету обезьян в земли Драков, то вот сюда. Нечаянно проговорила её подруга:

– Урию папик воспитывает.

У них с родным отцом вечно конфликты происходят, ни один, не другой не уступают друг другу. Папик ждёт, что Урия попросит извинения и помощи, но своенравная дочь всегда выкручивается сама. На этот раз, видимо папик опять ошибся. И тараканиха заткнулась, поняв, что сболтнула лишнее. До меня дошло – у девчонок был план. Но своими секретами они не спешили делиться.

– Скажи! А Землю тоже ты стёрла? Со всеми людьми, моими друзьями, с океанами и морями?

Эта стерва залезла на вершину скалы и бросала оттуда в меня камни.

– Нет, они взорвали себя сами, я только подчистила, смела в мусорный мешок твои глиняные игрушки. Что ты ещё умеешь debil, кроме того, чтобы лепить страшилищ. Наверное, и эту планету вылепил со своими уродами.

Я бы воевал с ней дальше, но вокруг собрался весь лагерь и слышал наш диалог. По словам Урии, во всём был виноват я: и в том, что мы оказались на этой планете, и в том, что у верблюда горб, а у девочки – змеиный хвост. Это было чересчур, а циклопы верили.

Урия не всё говорит правду, но никогда не врёт, – не мои ли это слова?

Не это ли я талдычил, постоянно народу? Я ушёл. Не стал оправдываться, было бы ещё хуже. Инвалиды во всех грехах обвиняют кого-то, то маму, то бабушку, изменивших генокод. Бойся, чтобы в ваши гены не попало что-нибудь лишнее... Нас помирила тараканиха, хотя обида ещё не совсем прошла. И тогда девочки пообещали раскрыть свой секрет, в обмен на одну мою услугу. Потребовав с меня стопроцентного молчания.

– Я стопроцентный циклоп!

Девчонки рассмеялись, оценив мою шутку.

Урия начала издалека, штудировав нашу совместную работу в связке, когда совет империи, по протекции её высокопоставленного родителя, направил её работать наблюдателем за эталоном. – Почему ты называешь меня эталоном, Урия? Ведь я – совсем не Додик? Девушка проглотила колкость,

видимо услуга того стоила, что она даже сдержала свою природную язвительность, и доходчиво объяснила позицию императорского совета. Я согласился, и почему я раньше не догадался про усиленный надзор с тех пор, как я подписал контракт про участие в эксперименте? Потом Урия начала перечислять все мои чудачества. Иначе она не могла назвать: сотворение земель и живых существ, по подобию своему. Девушка ждала, когда я наиграюсь, а потом стирала все мои ляпы. (Компьютерных игр, внучка, в наше время не было. А создавать земли – это так же увлекательно, захватывает – не оторвёшься)

– Но, честное слово! Я не помню, как это делал. Получалось, само собой. Я создавал, играл.

– Помню конечно: и Тесея, и Геракла, и большую часть богов, я же сам давал их имена.

В моей жизни много было игрушек, всех не запомнишь. Ты Урия, не темни, чего ты хочешь? Не надейся, что меня будет разыскивать совет, до калибровки транспондеров ещё уйма времени, так что нам, как минимум, лет пятьсот ещё придётся прожить на этой планете. Урия выслушала мою тираду внимательно, я поразился её самообладанию, не один нерв лица не дёрнулся, это было не постижимо, я не узнаю тебя Урия! Она продолжила:

– Ты всё делал во сне. Ты спал, а в Космосе возникали придуманные тобой объекты. Потом мы, усилием твоей воли перемещались на них и начинал творить. Потом просыпал-

ся, играл, снова творил, пока не наигрался, и забывал про свои увлечения. Я стирала весь рассыпанный тобой мусор из планет, чудовищ и цветных карандашей, которые ты называл ядерными ракетами. Ты просыпался на привычном месте, на нашей любимой планете циклопов.

Я помнил. Я помнил эти моменты, но всё равно, я не мог в это поверить. Так значит – это была игра? Всего лишь игра? Большую часть жизни я провёл у экрана космического монитора, создавая иллюзии, которые тебе пришлось стирать? Урия кивнула утвердительно головой. Я постарался применить свой последний, убийственный довод:

– Не хочешь ты сказать, что и космос придумал я во сне, и циклопов и столицу?

Урия пальцем коснувшись моих губ, остановила меня от потока вопросов

– Нет.

– Чего нет?

– Космос придумал не ты, совсем другой придурок. И многое ещё чего.

Мне уже надоело выслушивать нравоучительную лекцию бывшей надзирательницы:

– Чего ты хочешь? Я всё сделаю.

– А не можешь ты, Романов, сделать хоть что-нибудь полезное? Предположим, заснуть и разделить уродов, чтобы крокодилы отдельно, а циклоп встал и пошёл, и чтобы у него было прекрасное настроение и отменный аппетит, и чтобы у

него было всё, как у людей.

Я её понял.

– Не знаю, не пробовал.

– А ты попробуй. Я не думаю, что это тяжелее, чем вылететь планету из космической пыли.

Мы решили провести эксперимент. Урия уговорила колясочника, он смотрел на нас, как на сумасшедших. Тараканиха, она выбрала для себя циклопье имя – Зема, помогла войти мне в сон, она усыпила меня без всяких заклинаний и таблеток. Я видел Нил, видел юриста, по его контроле летали листы бумаги, с какими – то подписями и печатями. Я проснулся, рядом танцевал колясочник, стоя на своих, ещё не окрепших, ногах. Он схватил свою коляску и побежал к морю, чтобы зашвырнуть её как можно дальше. Ура, получилось! Вы знаете, а делать приятное всё же лучше, чем строить воздушные замки! И... Это был Клоа. Недолго продлилось счастье юриста, всего несколько минут. Следующей на эксперимент согласилась Леура – та самая официантка, с рыбьим хвостом. Мы все так переживали, после смерти колясочника было как-то не по себе. Но дальнейший эксперимент проходил под строгим контролем Урии, и больше никаких выходов она не допускала. Я понаблюдал за девушкой-змеёй, она гладила свою половину и плакала. Матери перед родами приснилась змея, она во всём, винила себя, и когда в ссоре, девушка выкинула обвинения матери в лицо. Та не выдержала и приняла яд, без права восстановления. Де-

вушка тоже приняла яд, только её спасли, а мать не смогли. Вскоре умер отец, не пожелавший жить дальше и видеть, как страдает и мучается дочь. Зема стала гипнотизировать обоих и меня и мою подопечную. Девушка вскочила на ноги, которых у неё никогда не было. Змеи не было тоже. Я услышал рыдания. Девушка убежала в джунгли. Сразу несколько вылечившихся последовали за ней, чтобы... не дай бог! Ещё немного я поволновался, когда разделял парнокопытных. Дети всё же. К концу месяца я вылечил всех. И не так это трудно, исправлять ошибки природы. Тогда девчонки открыли мне свой секрет:

– Зема была из соседней планеты, дошедшей до развития межзвёздных перемещений. Она была первой из посланников к разумным цивилизациям. У Земы был маяк, при действовании которого, её космический корабль спешил в любую точку космоса.

– Блин! Раньше не могли сказать?

– Зачем раньше? Надо было выучить язык. Подружиться с циклопами. Не нужно раньше.

И чтобы убрать суровое выражение моего лица Зема процитировала:

– Я стопроцентный гражданин империи. Я вас люблю!

Мы произвели опрос среди переселенцев, дали время подумать. Но никто, кроме нас троих не захотел возвращаться в столицу. Просили только об одном: чтобы не забывали, навещали их, и по возможности, чтобы переименовали плане-

ту. Нет здесь уродов, и никогда не было. Были циклопы со своими испорченными судьбами.

(Внучка заснула. Эта егоза знает, что продолжение следует. Правда многое из рассказанного приходится проглатывать, чтобы не иметь много вопросов, а то бабушка всё допытывается, чем я ребёнка заморозил? Да ничем, про свою жизнь рассказываю)

Глава 13

Прошло две тысячи лет, так быстро. Совет империи мне дал отдохнуть после очередной калибрации транспондеров. Планета древних дала ответ на запрос кода и циклопы, ещё тысячу лет получили право на пользование лучом перемещения. Странно очень, цивилизация давно мертва, а продолжает играть по своим правилам. Я уже не вдавался в подробности, рад был помочь своей расе, хоть чем – то. Империя давно распалась, поменяла форму правления, то она рассыпалась на отдельные федерации, включающие в себя группы планет, то она собиралась в монолит, перед опасностью порабощения. Единственное можно отметить, как положительный сдвиг в её существовании, империя постоянно расширялась и поглощала в своё пространство планеты, поддерживающие политику циклопов. Всё меньше оставалось диких планет, всё меньше оставалось врагов действующей власти. Политика империи стала гибче, мягче, терпимей. Войны, как-то отошли на второй план, дипломатия побеждала в своих стремлениях разрешить проблемы мирным путём. Я

не лез в политику, там без меня проблем хватало. Мы с советом пошли на компромисс. Они сняли с меня надзор и ограничения, я был обязан предупреждать совет о всех своих передвижениях за пределы планеты. Название планеты уродов, они отказались переименовывать. Всё, что внесено в космический атлас – вечно. Я раза три посетил своих друзей, но обрадовать их было нечем, они гордились своей планетой, им даже нравился тот контраст, с которым сталкивались посетители, правда, около побережья, всегда дежурил кто-то из детей Земы. Их семья вся вернулась на планету. Родина! Даже пару отцов перетащили. Всем было хорошо, кроме Клоа. Его самки гнали прочь, как импотента. Видимо молния терапии Земы бесследно не прошла. А так, всё на планете было хорошо, все женились и выходили замуж, дети рождались без отклонений, все были счастливы, а это главное. С Урией мы расстались, не знаю, надолго ли? Её папик не давал ей покоя. Но подруги – Урия и Зема, поддерживали связь, и в случае необходимости их легко было найти. Ольгу нашли применение, отправив с дипломатическим корпусом в одну из отдалённых империй. Я расспросил. В этом месте наши дипломаты долго не держались, в силу специфических отношений между полами. Хочу подчеркнуть, в эту окраину циклопы послали одних мужиков, но кем они вернуться по окончании миссии, бог его знает. Говорят, работа Ольгу очень понравилась и он, в течении трёх месяцев смог вырасти до старшего советника, перепрыгнув через три ран-

га. Теперь вся миссия держится на нём. Правители не раскрывают цели миссии, но оно мне и не надо. Меня вызвали к психоаналитику, какие-то эпюры не совпадали, вводные данные прошлых лет, я повторно прошёл психоанализ, чтобы не проводить контрольное восстановление. Восстановление – штука конечно интересная, вроде ты рождаешься заново: молодеешь, хорошеешь и тупеешь. Иной раз, после восстановления необходимо проходить сеансы обучающего гипноза. Кроме того, ты забываешь большую часть своих знакомых и всю хронологию своей жизни. Мне не нравилось это, я не любил обращаться к восстановителям. С изобретателем, который усовершенствовал некоторые теории древних, я был знаком не понаслышке. Мы были соседями по домам, часто ходили друг к другу в гости, без какой-то особой цели, а просто так. Шахмат Гвид терпеть не мог, называл игрой для умственно отсталых. По его философии, шахматы – это тренинг для дебилов. Мы могли прийти в гости и молчать часами, погружаясь в нирвану. Общение с космосом было интереснее шахмат. И я вспомнил, меня, как молнией пронзило насквозь – я же обещал, это мой проект. Хорошо, что не было Урии, сказала бы, что у Романова опять начинается гомо мания, на людишек потянуло. Но я же не виноват, проект запущен, даже не я его автор, само получилось так. Я только принимал участие в спасении рабов, немного в образовании. Прошло более две тысячи лет. Интересно – какое оно там, новое человечество? Первые же, наводимые мной

справки о этой планете, завели меня в тупик. В данной мной системе координат никакой планеты не было, она отсутствовала во всех её космических атласах. Планета X-восемь пропала, и больше никогда и нигде не появлялась. Да, нас забрал эвакуатор из указанного мной района, две тысячи лет назад, но никакой планеты там не было, тем более как я описывал – целую систему планет, у одной только X-восемь было две луны. В космической обсерватории подняли меня на смех.

– Но я же помню. Я видел!

Гвид был далёк от современного космоса, он его использовал, как оружие, как один из действенных механизмов в своих изобретениях, но его абсолютно не интересовали правила распространения энергии и масс в пространственных измерениях. Он и предложил теорию блуждающих планет, которые появляются из неоткуда и пропадают, неизвестно куда.

– Не закудакивай, а то я никогда не найду новое альтернативное человечество. Блин, планета пропала. Случился эффект, похожий на перемещение столицы. Но та же, вернулась на своё место. Осталось только наблюдать за известными мне координатами.

Обсерватория отказалась выполнять эту работу.

– Уважаемый! В космосе, в течении года пропадает и появляется столько планет, в различных измерениях, что мы не можем предположить, какая из них ваша. Они все похожи на X-восемь. Ни времени не энергии не хватит, чтобы за

ними всеми гоняться. Хотите, мы вместо дурацкой планеты, найдём вам потухшую звезду, их гораздо меньше в космосе?

Звезда мне была не нужна, я понял, что связался с несбыточной авантюрой, и только случайность могла меня закинуть в те места, где мне удалось побывать две тысячи лет назад. Гвид прибежал ко мне в два часа ночи, с какими-то раскладками, он по старинке, больше доверял карандашу и бумаге, утверждал, что так лучше думается:

– Ты знаешь, в голову пришла идея. Блуждающие планеты не просто перемещаются, они перемещаются со всеми своими системами, может быть, и галактиками, по закону случайностей.

Его опять занесло, он утонул в море математических формул и символов, и стоило ради этого меня будить. Я ненавязчиво вернул его к действительности, напомнив, что на дворе ночь. Что-то смутно я помнил из прошлого, какой-то Эйнштейн, тоже был с подобными чудачествами. Короче говоря, Гвид объяснил мне так: есть две точки (твоих координат нахождения этой планеты в космосе), вот если бы была третья точка, то можно бы было предположить место появления этой планеты в нашем измерении с точностью, до десятого знака после запятой. Обалденно, но непонятно! Я расцеловал его, он подсказал мне мысль. Гвид неправильно понял мои сантименты, вытирая губы, всё – таки влияние Ольга чувствовалось, даром и для меня не прошла эта экспедиция на планету обезьян. Он так и понял, моя неординарная

выходка показалась для него оскорбительной, он всем своим видом показал, что он учёный, а не этот... статский советник. Среди циклопов не принято проявлять свои чувства таким способом. А мне наплевать, я не совсем циклоп, я решил воспользоваться его теорией, но в другом аспекте. У меня тоже было всего две точки соприкосновения, два раза я попадал в нелепейшие ситуации в своей жизни, и в обеих присутствовала очаровательная Урия, только я могу найти и третью точку координат, через Зему, узнать где Урия сейчас. Её папик не был учёным, но по теории вероятности с теорией относительности, он запросто мог закинуть свою единую кровную в те места, которые не найдёшь ни на одной карте космоса. Эта стерва его окончательно достала, она старалась везде опозорить своего отца, не считаясь с его статусом. Над ним смеялась уже вся империя. Я, как – то спросил:

– Зачем она это делает?

На что Урия мне ответила, с не типичной для неё откровенностью – должна же я каким-то образом найти своего Додика. Это для неё была программа максимум, дело всей её жизни. Зему этот раз я застал на планете уродов, она для малышей создала, типа класса, прилетала читать лекции. Я её спросил сразу:

– Где Урия?

– А, зачем тебе?

Зема уходила от всех моих вопросов, но после того, как она дважды меня разозлила, загипнотизировав прямо в клас-

се, сделав из меня школьное пособие, как подставку для школьной доски, потом был урок биологии, и она на живом примере, показала, каким не должен быть циклоп. Но, чтобы не портить наши отношения, она выпытала у меня всю историю про людей и призналась:

– Я только на биологии поняла почему тебя Урия внесла в список нежелательных общений.

Я не стал задавать наводящие вопросы. Сама каракатица! Спросил только:

– И много ли в этом списке персон нон грата?

– Пока только твоё имя, умышленно искажённое, вместо Романова, там написано Урод.

Эта смесь таракана с пауком издевалась надо мной, но странно, я почему-то на неё не обижался. Зема, всё же назвала координаты, и я через пару дней просил совет на использование луча транспортировки, надеясь привязать его к этим координатам. Совет дал запрос в космическую обсерваторию, оттуда пришёл ответ – в данной системе координат никакой планеты нет, нет поблизости даже мало-мальски, каких – либо, крупных космических тел. Получалось что я просил оттранспортировать меня в пустоту. Но луч дал добро, не ответив запретом на нерациональное перемещение. Это был парадокс, с которым столкнулись представители совета. Не доверять лучу, значит не доверять всей системе передвижения, но до этого момента, она работала без сбоев.

Совет решил перехитрить меня, себя, послав в этот па-

радоксальный космос бригаду спасателей на космическом челноке, параллельно со мной. Мы, сразу же, оказались в гуще события. Челнок, как неопознанный летающий объект, предположительно, принадлежащий вражеской коалиции, был сбит над полем боя, какими-то невидимыми лучами. Его испарили, как парафиновую свечку, спасателей захватил луч и отправил обратно в столицу. Они, наверное, не поняли – что случилось, и кроме подтверждения, что здесь что-то есть, они ничего не привезли. Повторно циклопов в эти координаты было направлять опасно. Итак, я для совета опять, числился условно пропавшим. В совете дорожили эталоном, поисковую экспедицию с привлечением военных, постарались отправить через неделю, но луч дал запрет, не сработала система транспондеров. Просила уточнения адреса приёмки багажа. И я, и планета с её звездой и двумя лунами пропали из космического обзора, так и не появившись. Блин, планета невидимка какая-то! Я успел скатиться в глубокую яму, это раньше было входом в какой-то бункер, иссечённый ходами и переходами в туннелях, похожих на окопы. Я кажется влип, не знал где свои, и где не очень. Мне, не верилось, что из одной нации, которую я оставил две тысячи лет назад, могут появиться чужие. Это была гражданская война, моё первое предположение. Над головой летало всё то, что не могло самостоятельно двигаться, сначала я усомнился в точности расчётов транспондеров, а может что каракатица напутала? Люди не могли такое придумать. Вме-

сто альтернативного человечества я попал в ад. Восстановителей рядом не было, но я не спешил активизировать маяки. Я не разобрался, где очутился, пока я видел торжество смерти, но не Урии, ни одного живого существа ещё не встречал. Не знаю, может это полигон такой у них, и я попал сюда случайно со своим искажённым представлением. Но пока, я прилип ко дну окопа и дрожал от любого взрыва и выстрела энергии, сжигающей землю на кромке окопа. Глазам было больно от сверкания молний, без дождя и грома. Хорошо, что этот искусственный грозовой фронт проходил немного дальше, против молний окопы не спасали. Молнии выжигали землю объёмами и уходили вглубь, убивая всё живое. Я вспомнил:

– Две тысячи лет назад, возле речки бегали, то ли выдры, то ли бобры и было тихо, всё мирно.

А сейчас? С заходом светила, обстрел прекратился, мне ослепшему и оглохшему, уже не верилось, что я ещё жив, и что это именно тот мир, в который я стремился попасть. Потом я увидел их:

– Нет, это не люди, ничего в этих альтернативных от людей не осталось.

Они мощные, здоровые, относительно симпатичные – но, нелюди. На меня было направленно несколько пик, и если бы я не видел собственными глазами, как из острия этого орудия срывается луч, превращаясь в молнию, то не воспринял бы серьёзно этих пиконосцев, похожих на огромных сур-

ков. А так, пришлось подчиняться. Сурки завели меня в глубокую пещеру, потом применили какое-то неизвестное мне оружие, и я потерял сознание, застыв в позе лотоса, посреди огромного пещерного зала.

– Урод! Что ты здесь делаешь? Если по заданию папика? То тебе лучше убраться назад в свою империю. Но если ты сюда притянул Ольга? Убью, не задумываясь. Этот мир, не ваша радужная империя....

И она, чуть не пронзила меня копьём. Но я видел Урию, слышал гневные речи подруги, но не мог пошевелиться и полностью отнялась речь. Приходили сурки, что-то спрашивали у женщины, она отвечала. Я, совершенно не понимал их язык, но сообразил, что Урия в этом мире имеет вес, и лучше быть её другом, чем соперником. Меня немного отпустило, видимо закончилось действие парализующего газа, я уже умел говорить, но не двигаться. Видимо Урия предупредила сурков, что я очень опасен, даже когда сплю. Особо, когда сплю. Напротив, меня поместился один из вооружённых воинов. Мы разговаривали с Урией, а он вслушивался в наш, непонятный для него язык, выискивая знакомые слова. Ё моё, всего лишь две тысячи лет назад, мы оставляли развитое человеческое общество, научив единственному циклопскому языку. Неужели так быстро люди успели в сурков преобразиться? Я задал этот вопрос Урии. Она ответила:

– Не знаю, по мне, так эти сурки лучше любого из циклопов и совсем не похожи на твои гнилушки, со светящимися

головами. Эту грязь даже звёздный пылесос отказывался переправлять в чёрные дыры, приходилось, чуть ли, не вручную, заталкивать.

Эта стерва знала, как меня достать, особенно когда я шевелиться не могу, по делу её Олыг колошматил. Этот терраркотовый воин, с крысиной улыбкой, наблюдал за нашей перепалкой. Я чуть не совершил ошибку, чуть не пожелал, чтобы копьё, которым меня эта крыса пугала: – Пу... пу, не вонзилось в его филейную часть.

Я вовремя искажил желание, добавив – после караула. Сурка поменяли. Пу...пу, и раздался зверский визг, сурки, когда больно, визжат, как земные. Земные даже свистели, помнится. Я понял, что ошибся со своей теорией вероятности: Урия здесь, Зема не соврала, но к сожалению, это не Земля и людей здесь нет. Я насколько уверился в этой мысли, что искусственно притормаживал себя тем, что нужно было узнать, с кем эти крысы воюют? Только увижу противника и активирую маяки для включения и корректировки транспондеров. Мне, как никогда, хотелось подальше убраться от этой стервы. Не зря в народе говорят, яблоко от яблони далеко не падает. Какой папик, такая и дочь. Как хорошо, что я с этим конгрессменом незнаком. Пу...пу, крик сурка подтвердил действующие методы моего воспитания.

– Ну, стерва, ты у меня попляшешь!

Я уже готовился к отбытию, только осталось придумать месть для Урии. Я ещё не выбрал, но склонялся к мысли пре-

кратить эту зоофилию, я знал, что может удержать Урию у сурков. Потом, успокоился, передумал. Пусть каждый живёт, как хочет: кому-то нравятся одноглазые, кому-то толстые, кому с крысиными рожами.

Глава 14

Я был разочарован – противником были, точно такие сурки, только другого окраса, более стальные что ли. Их захватили случайно, гипнотической сетью, навыдумали эти звери такого, что не запомнишь. А ещё надо иметь представление, как оно работает. Сурки пленники, постепенно приходили в себя. Они мне кого-то напоминали, но кого – хоть убей... Я, по собственному опыту, уже знал, что вновь прибывшие пленники, в течении трёх дней – бесполезный балласт, они даже глаза не могли открыть. Урия тоже не появлялась последнее время, вместо одного охранника, возле нас крутилось двое, Пу-пу, я больше не видел. Урия пришла через два дня:

– Ну что решил, Урод? Почему ты ещё не в империи?

Я постарался объяснить своё поведение. Не знаю, поверила она мне или нет, но у меня были свидетели. Правда, разыскать их сложно, но для имперского совета нет неразрешимых задач. Пленники начали раскрывать глаза, и мне показалось, что вслушивались в мой диалог с Урией, блин, ещё одни Пу – пу. На пятый день их попытались покормить, а на следующий, я не смог скрыть своего удивления – язык пленников был очень похож на наш, немного деформирован,

видоизменён, но понять можно было. Приходилось кое-что уточнять.

– И почему вы воюете, уважаемый?

Пленники, молчали, как партизаны. Сначала они нас с Урией приняли, за шпионов, они видели, как к ней относится враг, а я, хоть и не одноглазый, но видно ещё та сволочь, если знаю их язык. Я был подставой, спутанный верёвкой с гипнотическими замками, чтобы выведать все тайные секреты их армии. И только через две недели они поняли, что это не так. Наконец их старший начал раскрывать карты и отвечать на вопросы, которые не относил к секретным. На планете, всю жизнь, было катастрофично мало женщин. Война началась из-за прекрасного пола.

– А, почему они наших дам воруют?

Война была не шуточной, и длилась долго. Была злой и кровопролитной. Неприятель, когда захватывал стратегический центр, уничтожал всех особей мужского пола, женщин захватывал в плен. Я спросил:

– А не боитесь перекоса?

–Какого перекоса?

– Что на планете останутся одни женщины, а мужчины – просто, перебьют друг друга. Тогда воевать придётся женщинам, а они, по своему менталитету, гораздо свирепей и опасней мужчин. Они, уж точно, сделают планету пустой.

Старший задумался, действительно, пока все мужчины воевали, в тылу оставались одни женщины. Но от них мало

что зависело, они знали, что после допроса их убьют. Я понял безрезультатность общения с пленными, хотя уже, убедился в том, что внедрил зерно сомнения о целесообразности этих военных действий. В глазах пленённых сурков, вместе с огнём фанатизма, стала появляться какая-то осмысленность. Тогда я решил воздействовать на Урию. Её же методами.

– Урия, ты можешь объяснить своим Додикам, чтобы развязали меня. Кто, кто, как не ты должна знать, что их усилия к моему пленению и ограничению движения это глупость. Обыкновенная звериная глупость, и я вышел из верёвок с гипнотическими замками и сел в кресло перед подругой.

Простой трюк, но я забыл о «стальных» сурках. Они не только видели, но и понимали наш разговор. А этого не Урии, ни мне не хотелось. Урия утащила меня вглубь лабиринта, чтобы поговорить без свидетелей. Мы опять сделали ошибку, прекратилось влияние на мою охрану и она, включила сигнал тревоги, обнаружив исчезновение пленника. У стальных, глаза были, как тарелки, но они игнорировали все вопросы серо-рыжих. Тогда Урия нашла выход из положения, поместив меня в свою тайную узкоспециализированную комнату, для любовных утех, а сама пошла искать своего бойфренда из местных, он занимал не последнее место в сурковом воинстве. Когда я впервые его увидел, то сразу понял, что с этим Додиком лучше не шутить. Это был какой-то феномен, он больше был похож не на сурка, а на медведя Гриз-

ли, тогда я понял, Что Урия на этой планете надолго, потому, что такого Додика, ты хрен во всём космосе найдёшь. Лишь бы Ольг не пронюхал и не разрушил, создавшуюся идиллию. Не сомневаюсь: за таких мужиков стоит побороться, и я понял, почему Урия была не рада моему появлению. По её стереотипу впечатлений – ко мне всякая дрянь липнет. Однако, были и положительные стороны нашего сотрудничества. Додик смотрел на меня, как на букашку, он снизошёл до общения, и когда до него дошло, о чём я говорю, а до него дошло это на третьи сутки, он был в шоке – местная анестезия головного мозга:

– Как это без войны? Как это планета женщин?

Он два дня не мог сложить два полушария своего головного мозга в привычный режим, они старались его успокоить и отвлечь:

– Думать – это неприятно, думать – это больно, думать – это копать мозги.

Но только он представил весь мир из Урий, Додик сдался:

– Только не это!

Процесс пошёл. Вечером мне принесли подписку, и я под ответственность Урии и Додика был на воле, а в сурковом штабе шла интенсивная работа по промыванию мозгов стальных. Враги не сопротивлялись, они соглашались со всем, шли на любые условия, уже поняв, что, благодаря этому странному уроду, их не казнят, и они, впервые в жизни, радовались кошунству, тому, что в их таборе было меньше

женщин, чем у противника.

– Так вам рыжим и надо, будет вам расплата за жадность.

Бедный Додик, уже боялся идти домой, и готов был сдать врагу. Поэтому он был ярым сторонником примирения. Я пожалел симпатичного медвежонка, и по методу Урии, подсказал:

– Ну, если, паря, совсем будет невмоготу, то добро-пожаловать на планету циклопов, там она тебя точно, искать не станет.

Из мужской солидарности, на верное! Я полностью скопировал метод этой бестии, стараясь спасти мужика, совсем ничего не рассказав про Ольгов. Ну ничего – сюрприз будет. Я не буду рассказывать весь процесс примирения в подробностях, это будет долго, скучно и не интересно, единственно могу констатировать, что в истории независимых государств, эта многолетняя гражданская война между сурками, осталась как факт, в противовес троянской войне, она тоже началась из-за женщин, но и закончилась из-за них же. У воинов, испытанных и закалённых в боях, шерсть дыбом поднималась, когда попадали в тыл:

– О, боже! Что мы натворили?

Им приходилось убегать от толп разъярённых, сексуально озабоченных Урий. Мужики терпели поражение. Это было начало новой бескровной космической войны, получившей название во всех международных военных справочниках, как – «Сражение чёрных дыр». Вскоре на планете был

подписан мир. В решающем документе, рядом с подписью великой Урии, стоят и мои закорючки. Мне пришлось пригласить Зему, чтобы решить интересующий меня вопрос:

– Когда бублик съедется, куда дырка деваается?

Мы оставили планету людей, а через две тысячи лет, она оказалась в лапах совершенно других существ. Где люди? Я не до конца был уверен, что попал на искомое место. А может быть на них напали Додики? Тогда не мир стоило спешить заключать, а в срочном порядке искать великое воинство Ольгов. Зема успокоила меня, проведя генетический анализ среди обеих популяций сурков, в которых присутствовали человеческие гены в разных пропорциях: шестьдесят процентов у стальных сурков и сорок процентов у рыжих. Эти животные и были моим альтернативным человечеством. Я был обескуражен?! Это не то слово. Лишь бы до Урии ничего не дошло, а то, потом, мне всю жизнь не отмыться. Создатель! Блин! Мне бы подучиться. Вспомнил! Я вспомнил, я понял почему так получилось. Это всё они – враги циклопов, которых мы вытащили из третьей шахты. Блин! Что за народ пакостный! Не зря их мои сородичи лупили и в хвост, и в гриву. Мы их спасли, накормили, напоили, спать уложили, а они... всю мечту мне перегадили. Но как они из людей этих Додиков слепили? Гадких, волосатых, с которыми страшно не только в баню ходить, но и рядом находится опасно. Я вернулся на свою планету, успев на последний луч, и потерял сразу всё: меня вытрусил, выкрути-

ли, вытащили всё из карманов, и посадили в клетку с электронным замком. Я не понял, за что? Всё оказалось сплошной прозой жизни. Нет, я ничего не нарушил. Просто, столица уже два года на прежнем месте, а этих понаехавших никак убрать не могут, а они и стараются вовсю, чтобы показать свою работу. Ладно меня арестовали, но зачем они нового императора вшами наградили? За какие заслуги. Я так и понял – на будущее. Пришлось императора постричь и побрить, а, чтобы не перепутать его с другими лысыми, пришлось устроить инвентаризацию. Но эти провинциалы всё опять перепутали и стали гоняться за всеми Фантомасами вселенной с императорским инвентаризационным штампом, поймав очередную жертву, прямо на лбу ставили печать, а для надёжности – прижигали. Я только не пойму, почему – изделие номер три, и что это значит? Пришлось императору ирокез приклеивать, пусть уж лучше неформал, чем то, о чём все подумали. Император тоже был из провинциалов, говорил непонятно, но интересно. Я опять был под надзором. Мне оставалось только ожидать, когда всё утрясётся и образумится.

Наконец, дождался, я знал, что они, когда-нибудь придут и заберут меня. Они прибыли из закрытых дверей земли древних. Только теперь я понял на кого я похож. Сами вы одноглазые уроды! Они пообещали научить меня. А с гостями, пусть разбирается Урия, я столько ей Додиков нашёл, пора поработать головой, хватит веником махать, раз-

гребая чужие грехи. Меня выкинули из этой вселенной, это было необходимое условие для моего обучения. Всего учителей было восемь и у каждого своя дисциплина. Меня закинули в огромную сферу, которая крутилась, как барабан стиральной машины. Что-то сверкало, что-то мелькало, не знаю, были ли это звёзды или магазинные огни, и если бы не тяга к знаниям, то я бы убежал в любой стабильный мир. И когда учителя, в счёт моего будущего экзамена предложили создать своё, чисто эксклюзивное, я заснул, а проснулся рядом с барабаном в гироскопе. Блин, восемь учителей передрались между собой, каждый уличал друг друга в подкачке. Никто не верил, что я это мог сделать сам. Первые полгода я занимался приблизительно тем же самым, что и Урия, в качестве надсмотрщицы. Отличие состояло в том, чтобы прежде, чем разбить мир, оставив чистым эфир, я должен был создать что-то, ему альтернативное, применяя технологии предыдущего архитектора, и работа не была принята до тех пор, пока я не отображал в своём создании, все мелочи, придуманные автором. Это было грубое бездумное копирование. Не знаю, чего мои учителя этим добивались, но все восемь, признали, что у меня выработался красивый почерк, а на мои работы было приятней смотреть, они, как живые. Спасибо за комплимент, я одних Земель наштамповал более двадцати, с как живыми животными и людьми. Потом, наконец, сбылась мечта Урии, все свои копии, вместе с оригиналами, я сбрасывал в ближайшую чёрную дыру, наблюдая,

как природный миксер съедает все мои старания. Пришло время, когда учителя сказали, что я готов и предложили построить свой мир, отличный от всех, ранее мной виденных. И я приступил к работе.

Глава 15

Я построил мир отрицания, в котором всё хорошее было самым плохим и наоборот – плохое считалось самым хорошим. Населяли этот мир самые отрицательные существа во всех вселенных, в то же самое время, они были самыми лучшими для своих близких. Здесь всегда существовало равновесие между плохим и хорошим, потому что в придуманном мной мире не было таких остро граничащих понятий. Что было, что-то хорошо для одних, то считалось глупостью у других, для третьих этот ужас всегда заканчивался смертью, это приблизительно, как клейкая лента для мух. Целая планета диверсантов, взрывающих атомные станции. Я ещё даже не развернулся, как мои учителя закрыли проект, засчитали экзамен, по теме построения миров и сказали, чтобы я на их глаза не попадался со своими теориями отрицания отрицаемого! Ну, научился я строить миры и создавать живых существ. Я это и раньше умел. А дальше что? Неинтересно, как-то! Скучно. Не то слово, не каких эмоций – тоска зелёная. Я вспомнил, что я дипломированный специалист, и решил отметить получение диплома в каком-нибудь приличном заведении, я пригласил Урию с её Додиками, Зему с обеими бойфрендами, пол планеты уродов, даже для Клоа, бас-

сеин выложили с молниеотводом. Урия начала вытанцовывать ещё на входе, всё обещало быть интересно и красиво, если бы эта дура не наполнила бассейн для Клоа шампанским, вместо воды. Ей прикольно показалось. Дуру увезло такси, вместе с её идиотипами, а Клоа нажрался. Ему половое воздержание не пошло в пользу. Он уже привык, и не реагировал на атаки Земя. Молнии, наоборот, стимулировали этого краб осьминога всё больше, и столица, второй раз в декаду подверглась нападению с полным опустошением. Земя едва успела погрузить весь состав приглашённых с планеты уродов на свой личный космический корабль не забыв захватить заснувшего пьяного Клоа, как появились военные. Армия не поняла кого разгонять, весь город был разрушен, до основания. Восстановители не выдерживали нагрузки, перегревались и тоже просили холодного шампанского. Мир сошёл с ума! Служащие, обеспечивающие возрождение, убегали от шестиглазых циклопов, которые старались им помочь в их нелёгком труде. Пока мы отрывались в кабаке, отмечая мой диплом, какая – то сволочь внесла свои корректировки не только в автоматику управления бассейном, для Клоа, но и в секретные программы древних. Судя по характеру происшедших изменений, я понял чьих рук это дело. Эта ненасытная Урия, когда себя не контролировала, всегда к своим забавам привлекала конкурента – статского советника его величества. Наверное, кончилась его миссия на окраинных мирах. Я только не мог понять, как он влез в мой генетический

код, чтобы внести изменения в восстановители и транспондеры, подменив своим. Ой, что теперь будет! Если древние примут изменения. Я шёл по планете с оранжевыми облаками, с купающимися циклопиками, в зелёных волнах моря, в моём единственном глазе отражалось небо. Я стопроцентный циклоп, а не эталон. Мой контракт с правительством потерял силу. Теперь Олыг вам опора и защита. Его имя записано в книгу памяти древних, вместо моего. Весь мир застыл в ожидании, когда будет названо новое имя, которое высветится в пещерах древних, холодным голубым свечением. Но мне уже было не интересно, я вернулся в своё тело, и впереди меня ждали новые приключения, я ещё так много не успел в этой жизни!

– Вы спрашиваете: – Верю ли я в бога?

Его я встретил в этом мире, совсем случайно, на блуждающих планетах. Он обещал помочь продолжить моё обучение.